

Аждар Улдуз

Сейд

Ферреальная проза

Аждар Улдуз

Сейд. Джихад крещеного убийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805215
Аждар Улдуз. Сейд. Джихад крещеного убийцы: Снежный Ком М; Москва; 2012
ISBN 978-5-904919-30-6

Аннотация

От Каира и до Рима, от палачей-джалладов, крестоносцев - и до ассасинов, история, объединившая в себе три крестовых похода, и сжавшая их до одной человеческой жизни... Убийца, принимающий христианство, и объявляющий джихад самой войне, палач, мечтающий воспитать лекаря, монахиня, превращенная в блудницу, шут, уходящий в монашество, и язычница, спасающая крестоносца - судьбы людей, противопоставляющих кровопролитию и демону Власти свою любовь... Крест и полумесяц, схлестнувшиеся в кровавой схватке волею тех, кто предал учения своих пророков ради наживы и властолюбия, джихад, объявленный Жизнью - Смерти.

«Роман Аждара Улдуза очень интересен и очень непрост. В нем несколько измерений: Время, Пространство и самое сложное - внутренний Космос неординарной человеческой личности. Пестрый исторический калейдоскоп, переплетение реальности и мистики — и прочный религиозно-философский фундамент. Любители приключений тоже не разочаруются. Судьба (и воля Автора) твердой рукой ведет главных героев долгими дорогами от пустынь Ближнего Востока до Китая и Мауританской Испании. Крестоносцы, убийцы-ассасины, пираты, монахи, короли и нищие — все они встретятся на пути. А финал будет таким же неожиданным, как и вся книга. В общем, это стоит обязательно прочесть.

А еще там метко бросают сюрикены...» (Андрей Валентинов).

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЖИХАД. ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ АККОРД – ДИКАРИ	7
Глава I – РОНДО ПУСТЫНИ	9
Глава II – ДЖАЛЛАД-ДЖААНИ	12
Глава III – ПАРИЖ	17
Глава IV – АЛАМУТ	27
Глава V – ПУТИ ТАМПЛЯ	34
Глава VI – УБИЙЦА ПРАВЕДНЫХ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аждар Улдуз
Сейд
Джихад крещеного убийцы

С особой благодарностью Степану Пучиняну, под чьим гостеприимным кровом был написан этот роман

ПРОЛОГ

Любви хотелось больше, чем жизни. В смысле – плотской любви. Чем чаще он видел, как умирают те, кто приходили за ним, тем больше ему хотелось женской ласки. Причем умирали всё время разные люди, а ласки хотелось от одной-единственной женщины. Той, которая родила ему ребенка. Если родила...

Он ничего не знал о том, что происходит за пределами его пустыни. Никто не приносил ему новостей. Смерть – это пожалуйста, смерть ему принести стремились многие. И вот так умирали, один за другим. Не от его руки – пустыня помогала ему следовать заповеди. Он больше никого не убивал. А когда убийцы пытаются стать святыми в своем собственном мире – за них принимается убивать сам мир. И всё же он говорит миру-убийце: *Л'а!* Нет!.. Он не хочет ничьей смерти, и всё же...

Клинок мелькнул... и утонул в пыли пустыни... не первый и не последний. Сколько их, самых разных, лежит под толщей пыли? Этот, кажется, из Дамаска... Кинжал для метания. Такие делают по заказу Аламута. Тело владельца клинка обнаружилось чуть дальше, тоже наполовину засыпанное пустынной пылью. Плащ с капюшоном... иссохшее лицо... Пустыня не занимается бальзамированием своих мертвецов! В кого он метнул клинок, прежде чем... ага, прежде чем получить арбалетный болт... прямо в сердце?! А вот и тот, кто стрелял! Из ключицы торчит рукоять еще одного метательного кинжала – родного брата того, что в песке... и арбалет в руке. Кинжал наверняка был отравлен, но он успел выстрелить. Интересно, кто из них первым ошибся, приняв другого за *хаин* 'а, предателя, по чью душу приходят они, убийцы, уверенные, что смогут отомстить за гибель Орлиного Гнезда. Нет, не интересно. Даже то, как пустыня умудряется обманывать их, обученных нести смерть, и заставляет убивать друг друга, защищая жизнь своего брата, тоже не интересно! Надо перевернуть труп обратно. Пусть лежит как лежал. Он же из гашишшинов! По их вере ему полагается быть поглощенным землей... Вот пусть пустыня и завершит начатое... Интересно, как его звали? Нет, вовсе не интересно!

«Почему История должна бережно хранить имена – имена убийц и шутов, разбойников в коронах и трусов, ведущих армии на гибель? Почему из нее вычеркивают имена матерей, дающих жизнь, но оставляют имена тех, кто эту жизнь отнимает – сотнями и тысячами? Впрочем, вздор: никому и ничем История не обязана! Она сама как женщина, порой вздорная, но на самом деле – таинственная!» Похожий на монаха человек взял новую лучину, зажег и вставил ее в выемку в плоской глиняной плошке. Масло давно закончилось, а лучины еще можно было выстругивать из нехитрой деревянной мебели... Он уже вернулся в свой пустынный скит – дом, построенный так давно, что входную дверь пришлось откапывать, когда он вселился сюда. Как давно это было?.. Как давно покинули эти земли, ставшие пустынными, их обитатели, строившие здесь города, пасшие скот, растившие детей?.. Кто помнит ныне их имена? Что от них осталось, кроме страшных историй, вошедших в священные книги?.. «Так почему же должны помнить обо мне, ныне живущем тут, если не помнят тех, кто строил здесь дома?» – подумал человек, снял плащ и небрежно бросил на скамью. Да, он был уверен, что его никто не вспомнит. Однако же – вспоминали. И приходили, один за другим. Правда, никто еще не дошел... Удача хранила? Таким, как он, удача даруется по праву рождения – так считали последователи религии его отцов... И если в Истории о нем что-то и останется, так не имя, но звание... звание, данное по праву рождения...

За стенами заброшенного сотню с лишним лет назад монашеского скита, где теперь обретался тот, за кем приходили убийцы, шуршал песок пустыни. Холодная ночь играла свою музыку, так не похожую на любимую пьесу того, кто был так похож на монаха-отшельника... Как она называлась? Ах да, «Рондо для Изольды». Это имя... Кто такая Изольда?

Почему именно она? Отшельник не знал. Или знал, но не желал помнить? Всё, чего он желал СЕЙЧАС, так это записать хроники последней войны, оставившей свои черные следы на желтом, цвета пергамента, морщинистом лице Истории.

Нет! Человек упрямо замотал головой, отказываясь признавать очевидное: без имен нет Истории. Но кому нужны эти имена? Людям, и только им! А Истории важны события. Люди хотят знать, что послужило толчком к этим событиям и кто стал их жертвой, а История... А что История? Да есть ли она сама – эта История? Может, люди просто выдумали ее, чтобы оправдать тщетность своих попыток изменить Вселенную? Хорошо, он напишет свою историю, но даст всем ее участникам те имена, которые они заслуживают. По деяниям их названы они будут, а уж по заслугам ли... то судить лишь Всевышнему.

Лучина вспыхнула, бросив последние крошки света в голодную тьму ночи, и погасла, упав на земляной пол. Пришлось подобрать, вернуться к тлеющим в очаге углям, снова зажечь. Теперь – к столу, аккуратно пристроив плоску с лучиной прямо поверх пергамента: чистого, потому что на нем еще нет ни строчки, и одновременно грязного, ибо пыль пустыни везде находит себе дорогу.

Человек протер усталые глаза и, прочитав скороговоркой «Отче наш», опустил перо в чернильницу. На пергаменте зазмеилась вязь из слов, укладываваясь в ткань ковра Новой Истории: «Всё было не так, как рассказывает нам Церковь...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЖИХАД. ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ АККОРД – ДИКАРИ

«Дикари! Эти дикари пожирают христианских младенцев и поклоняются голове осла! Братья-христиане в священном граде Константиновом изнывают от мучений и терзаний, причиняемых им со стороны дикарей, не ведающих света Божьего! Богу угодна их гибель, и да будет так!» – вопил бродячий священник, взобравшись на край колодца. Воистину, чудом Божьим было то, что, так размахивая руками, он еще ни разу туда не свалился – думали бретонские крестьяне, в чью деревню явился святой отец, дабы призвать к участию в Первом крестовом походе на Восток. Весна началась плохо – уже которая весна после вот уже которой голодной зимы. Осенью, три года назад, люди лорда собрали всё зерно, не оставив ничего для весеннего посева, и в деревне настал голод. Охота на дичь в лесных угодьях графа Бретани была запрещена, за это полагалась смертная казнь. Всю рыбу в прошлом году указом короля велено было отдавать в качестве церковного оброка. Святые отцы говорили – кара Божья, и призывали к смирению. Они были жирные, эти святые отцы, им принадлежала вся рыба, которую ловили в реке, и они совсем не были похожи на говорившего – худого, изможденного скитаниями от деревни к деревне с истрепавшейся в странствиях папской буллой с призывом к крестовому походу. Глаза проповедника горели, желудки крестьян крутило от голода, на чьих-то руках заплакал ребенок... В поход! На Восток! Смерть дикарям, пожирающим христианских младенцев!..

«Дикари! Боже правый и милосердный, какие же это дикари!» – думал император Константинополя, глядя на рыцарей с Запада, явившихся с ордой фанатичных католиков на его земли. Он и понятия не имел, какие последствия вызовут его обращения к христианским королям и Риму с просьбой защитить от турков. Рыцари источали зловоние невымытых тел, ели за столом грязными руками и понятия не имели об учтивости и изысканности. Дочь императора постоянно прикладывала шелковый платок, надушенный благовониями, к благородному, хоть и несколько великоватому носу, доставшемуся в наследство от великих греков античности, состоявших, как верили в Византии, в предках у рода пурпуноносных базилиевсов. Пир, данный во дворце в честь рыцарей, явившихся защищать братьев-христиан от магометан, представлял собой отвратительное для изысканного вкуса обоих венценосцев действие, пошлые же комплименты от рыцарей в адрес принцессы были откровенно оскорбительны, но... Император боялся! Силы империи были подорваны постоянными войнами с турками-сельджуками, за этими же дикарями стояло огромное христианское ополчение, уже доказавшее свою кровожадность нападением на небольшое турецкое село, недалеко от западного берега Босфора. Они не просто перебили всех жителей, но насаживали детей живьем на вертела, а затем пожирали их плоть. Ужасно! Дочь императора, увлекавшаяся ведением исторических хроник для библиотеки Монастыря Вышней Мудрости, даже написала об этом, постаравшись, однако, лишь сухо, без чувств, описать происшедшие события. Надо признать, Константинополь не мог прокормить эту толпу, и решение рыцарей после удачной победы над турками на прошлой неделе идти дальше, на восток, вызвало радость. Этот пир – как последняя жертва... пусть уйдут... и больше никогда не возвращаются... Император и понятия не имел, какие еще жертвы предстоит принести великому граду Константинову этим дикарям!

«Дикари! У них нет даже церквей, молятся прямо на земле своему Магомету, разве что те, кто побогаче, коврик стелют под колени!» – так во время привала обсуждал жителей одной из деревенок центральной Анатолии генуэзец-пикинер, пытаясь подружиться с молодым дворянином откуда-то из страны франков. Во-первых, у франка водилось золото, и за

него в той же деревне можно купить немного еды. Отнять не получится – эти дикари всё куда-то спрятали, и даже если их убить – никакого толку не будет. Не отдадут. Только за золото. Во-вторых, лицо у франка было смазливое, и некоторые солдаты поговаривали, что он содомит. А женщин генуэзец не видел уже очень давно – с самого Константинополя... Женщин же своих местные прятали. Ни одной проститутки у магометан в деревнях не сыщешь! В самом деле – дикари!

«Дикари! О Аллах, какие же дикари!» – думал банщик-сириец, выглядывая из-за дверного косяка, чтобы посмотреть на забаву – рыцарь с Запада стоял у дверей духана и, запрокинув голову, пил вино из кувшина для кальяна. Молодой чайханщик не скрывал усмешки, но этому человеку с когда-то светлыми волосами, ныне коричневыми от грязи, и в голову не приходило, каким дикарем он выглядит. Банщику еще не приходилось видеть пришельцев с Запада без одежды – в баню они никогда не ходили, и в народе говорили, что у них тела покрыты язвами, поэтому одежд и доспехов они никогда не снимают. Пришельцы расположились прямо под городскими стенами – старейшины цеха красильщиков шерсти уговорили правителя города собрать хороший выкуп, чтобы эти варвары не напали на город, и дать им еды в дорогу. Однако христиане с Запада никуда, похоже, идти не собирались, наполняя воздух вокруг своего лагеря смрадом и зловонием. «Что может быть хуже этого?» – думал банщик. Он и не догадывался, насколько худшие испытания, чем зловоние неубранных выгребных ям, готовят его городу эти дикари.

Цивилизация Запада шла воевать с дикарями Востока. Дикари с Запада шли на Восток...

Глава I – РОНДО ПУСТЫНИ

Песок пел рондо... тема повторялась, разными вариациями песочного расклада на лице пустыни, внося разнообразие в вечность. Песок пел о разлуке. Она бывает разная – разлука... кто-то ищет свою вторую половину в другом человеке... кто-то копается в себе... песок пел о разлуке, что никогда не кончается. О разлуке частицы, которая никогда не будет вместе с другой, а ведь еще миг назад она лежала рядом, грела кристальные грани под солнцем... от холода ночи стонала струнами-прутьями кристаллической решетки, которую еще придумают схоласты рода человеческого... Частицы, что пребывает всегда с подобными себе... и всегда в одиночестве...

Песок помнил воду... Вода лилась из кожаного ведра-бурдюка в арык, впитывалась в него, уходя в пустыню, и всё же тонким ручейком доносила жизнь до крохотных ростков на бахче оазиса *Шюкр Аб*... Большие глаза шестилетнего мальчика, слишком мелкого для своего возраста... мелкая кость, маленькие руки, стопы, утопающие в песке... И большие глаза, в которых звездами сверкает отражение воды... Вода жизни... Вода благодарности – Шюкр Аб, источник в сердце пустыни, в пяти днях от Иерусалима, где уже шесть лет в мире живет племя *бедавинов* из *джемаата имама* Халеля. Имам приходит раз в три месяца, гладит мальчика по голове и хвалит старейшин за заботу о маленьком *Сейде*. Имам пил воду источника и громко говорил – «*шюкр йа Раббу!*»... Но первым всегда давал воду мальчику, и он пил прямо из ладоней имама, приближая лицо к этим рукам, на которых навсегда отпечаталась пустыня... Песок помнил эту воду.

А еще песок помнил кровь... Высохшая, мельчайшими частицами она вошла в песок полноправным гражданином великого кочевья... кровь мальчика, сына пустыни... кровь Сейда, единственного, кто выжил после жестокой резни, устроенной крестоносцами у оазиса Шюкр Аб. Легкая стрела застряла в плече – мальчик даже не подозревал, как ему повезло, что явившиеся с Запада грабители взяли на вооружение стрелковое оружие пустынных кочевников... Арбалетный болт убивал или жестоко калечил, тяжелый лук в пустыне был неудобен, легкие же стрелы разили свои жертвы, не позволяя им сбежать, но оставляя в живых и превращая в ценный товар – рабов. Изнеженный мальчик потерял сознание – он не привык к боли. Его никто никогда не бил, он был любимчиком деревни, ее талисманом, сейдом, рожденным от святого паломника, идущего в Мекку из далекой Иберии. Шок от боли, от страха... он потерял сознание и потому уже не увидел, как страшные, большие, бородатые мужчины в грязных, покрытых пылью пустыни доспехах кромсают тела жителей деревни железом мечей, топчут копытами скудные посева, режут людей, спуская кровь в арыки... рвут одежды с матери, валят ее на песок пустыни – она пыталась убежать так далеко, как могла, но догнали... Последний, удовлетворив похоть, просто и деловито перерезал ей горло... кровь матери смешалась с песком пустыни...

Кровь из пробитого плеча тонкой струйкой напоила песок... Песок принял жертву.

Когда мальчик открыл глаза, вокруг уже никого не было. Из живых. Был только песок. И тела. Им предстояло стать песком. Именно тогда мальчик понял, что однажды и он станет песком. Как Пророк, да славится имя Его...

Мальчик встал и с удивлением обнаружил у себя в плече стрелу, пробившую его плоть... ЕГО ПЛЮТЬ!.. Мальчику стало страшно, и он захотел сейчас же, в этот же миг, избавиться от страшного деревянного штыря, торчащего у него в теле. Схватил, дернул что есть сил... и снова упал, потеряв сознание от боли.

Песок продолжал пить кровь мальчика. Песок начинал любить его.

Торговцы рабами пришли чуть позже. Они всегда приходили после крестоносцев, забирать выживших. Мальчика подняли с песка, уложили на спину верблюда... Дети стояли

дорого. Особенно красивые. А мальчик был красивым. В Багдаде или в Каире за него можно было бы выручить целое состояние. Но караван шел в Иерусалим. Не в самом Священном Городе, но за его стенами, там, где кочевники-бедави из *путперестов (язычников)*, не вошедших в *джемаат* Пророка, устраивали «черные невольничьи рынки», этого мальчика можно перепродать купцам-йезидам. Те повезут товар уже в большие города и сделают свой навар...

Песок слышал, как мальчик очнулся – на третий день. За ним хорошо ухаживали. Ведь он был единственным товаром каравана из четырех верблюдов, что пришел вслед за крестносцами в разоренный оазис Шюкр Аб. Больше из деревни не выжил никто. Караван шел пять дней. За это время мальчику рассказали о том, что случилось. Объяснили, что его ждет. И мальчик смирился. Он понял, что мама или имам Халель больше не придут за ним. Потому что их убили. И они сейчас в раю.

Караванбаши, глава работорговцев, считал себя мусульманином. Узнав, что мальчик по рождению – сейд, он сначала испугался. Потом принял решение, но никому ничего не сказал. Ни один купец-мусульманин не станет покупать сейда в рабы. Это было бы святотатством, это могло бы отпугнуть удачу, прогневить Аллаха! А найти бездетного или настолько доброго, кто выкупит сейда, чтобы усыновить... в это тяжелое время маловероятно. Но есть один человек... Он обязательно возьмет мальчика. И хорошо заплатит. А даже если платить не станет – одна его благодарность дорого стоит. Бывший палач из Медины, владелец тайного замка в горах Аламута, тот, кого все называют Джаллад-Джаани. Найти его было невозможно – он сам приходил к тем, кто был ему нужен, и туда, куда ему было нужно. Но караванбаши знал, что к нему тот придет непременно, потому что он вез для него письмо. Песок уже видел это письмо, он проник за халат караванщика, забился в трубку пергамента, перевязанного шелковой нитью... Но песок не умел читать, и потому не знал, о чем письмо. Песку было безразлично.

Песок скучал по мальчику, которого считал своим братом. Мальчика увезли в город, из которого он позже исчез – в горах Аламута не было песка. Там были только камни. Песок пел рондо о разлуке с человеческой душой, чья кровь стала частью его. Узоры разными вариациями повторялись на лице вечности, внося разнообразие... Песок пел о разлуке...

* * *

Короткое рондо (во времени)

* * *

Монашка из Ордена Святой Магдалины торопливо шла к площади. Она знала, что понтифик уже должен был начать свое выступление перед очередной партией воинов-христиан, идущих в поход на Святую Землю. Еще не был объявлен Третий крестовый поход, но легендарные богатства Востока продолжали манить многих, а обедневших дворян в христианском мире меньше не становилось. Там, на Востоке, продолжалась война. Никем и никому не объявленная война между крестом и полумесяцем, превратившая в ад жизнь мирных последователей обеих религий, обитавших на Святой Земле. И чтобы поддерживать этот ад в горячем состоянии, были нужны новые и новые воины, готовые убивать и умирать во имя того, кто сказал «Не убий!»...

Монашка из Ордена Святой Магдалины не думала о том, зачем солдаты идут умирать. Она знала, что война эта благословлена Церковью, и знала, что раненым христианским воинам нужна забота. Лечить она умела всегда, говорили, что у нее к этому божий дар, талант. Одно прикосновение ее рук успокаивало самых тяжелых больных в монастыр-

ской лечебнице, и потому она считала правильным, чтобы дар этот послужил тем, кто проливает свою кровь на Святой Земле. Дальше этого ее рассуждения не шли, она привыкла верить Церкви, как верили все вокруг.

И потому монашка из Ордена Святой Магдалины торопилась на проповедь, которую на Площади Латеран сегодня должен был прочитать сам Папа. Она хотела успеть получить его благословение. Пусть не такое, как тогда, во время чумы... Он пришел к ним в монастырь и в покоях аббатисы принял нескольких сестер, отличившихся особым прилежанием... Ее он благословил сам, лично... только ее! Правда, потом, услышав от аббатисы про ее подвиги – как она бесстрашно ухаживала за чумными, как пыталась спасти безнадежно больных, как утешала умирающих, бесчисленный поток которых проходил через монастырскую лечебницу, – резко отстранился, вытащил платок, пропитанный настоем корня волчьей травы, и брезгливо вытер руку, благословившую монашку. Он испугался чумы! Наместник Петра, первейший отец Церкви испугался кары, которую Господь ниспослал, как он сам говорил во время проповедей, за грехи людские... Неважно.

Монашка шла, чтобы получить благословение. Она хотела идти в Святую Землю, и аббатиса отпустила ее, дав предварительно и свое благословение, из-за которого она задержалась в стенах монастыря. Теперь ей нужно только получить благословение самого Папы и присоединиться к крестоносцам вместе с прочими паломниками. Ее ждет Иерусалим!

Монашка из Ордена Святой Магдалины верила, что Святая Магдалина защитит ее в пути, как защитила во время чумы. Ведь на самом деле... на самом деле она однажды испугалась... самый первый раз, когда ей предстояло подойти к больному чумой, еще живому. Того монаха из предместья Рима привезли в лечебницу, а не оставили умирать, как прочих, только из-за его сана... Ей поручили подойти к нему, поднести пищу, утешить в страданиях... Было страшно, и тогда она вознесла молитву к своей святой. Молитва шла из самой глубины души, и слова родились тогда странные... Она обещала Святой Магдалине повторить ее судьбу, испытать ее страдания и сохранить Веру... если ей будет дозволено выжить... сохранить жизнь – чтобы испытать... И святая защитила – ведь не тронула же ее чума, ни тогда, в первый раз, ни потом, сколько бы чумных не прошло через ее сострадательные руки.

Монашка из Ордена Святой Магдалины была молода и полна веры. Она торопилась, чтобы быть благословенной Папой Римским. Она торопилась навстречу своей судьбе...

Глава II – ДЖАЛЛАД-ДЖААНИ

Палач шел по Иерусалиму. Бывший палач. Теперь он был наемным убийцей. Разница между этими двумя ремеслами для него была существенной. Свою прежнюю работу он воспринимал скорее как искусство, в то время как нынешнюю именно как ремесло. И у него были для этого все основания.

Он помнил, как точно так же шел по Наньцзину – великому и вечному городу, в котором искусство джалладов достигло вершины своего совершенствования. Маленький раб, пойманный кочевниками в далеких степях Ак Жайыка и проданный в рабство в Чин, он считал себя очень везучим. На невольничьем рынке его заметил мастер-палач Дома Хранителя Императорского Веера. Заметил – и купил. Мастер-палач был бездетным и очень старым. А еще он всю свою жизнь посвятил изучению великого искусства дознания истины. Человек тонкий и чувственный, он был художником пытки. Его трактат в стихах «Боль – Матерь Истины» был удостоен похвалы самого Императора Поднебесной. Уже своими строками этот поэтический труд заставлял чувствовать приход Ее, Матери Истины, вынуждающей слабого человека признавать свою слабость, сильного же – склонять голову пред величием Истины...

Кожа бумаге подобна, хрупкому чресла подобны цветку,
И рисовать мне удобно, болью круша красоту
Целости тела, ума и души – смертный, блюди простоту!
Власть милосердие души! Я же из боли сотку
Истины дивный ковер и узором прекрасным украшу
признаний.
Будут подобны цветам орхидей на ковре
звуки стенований,
Аистом белым, стоящим на черном пруду, —
оправданье незнаньем,
Лунем-драконом узор обвивает ковер из покаяний.
Истины Матерь есть Боль, а
Верность – ребенок.
Власти покорность взрастить помогает она нам с пеленок.
С Болью мы входим в сей мир, фарфор жизни так тонок!
Тоньше – лишь знанье себя, человеческой стойкости
кромек...

Замечательные стихи! Только мастер-палач, истинный джаллад волею Всевышнего, мог бы написать такие строки. Джаллад служит Власти, и орудием службы его является Боль. Познать эти истины, проведя всю жизнь в степи, погоняя скот с одного жайлау на другой, воруя стада и питаясь одним мясом, – невозможно! Мальчик был благодарен своим похитителям-работоторговцам, и потому, свершив позже священный обряд мести-*интикама* – *кек*, он подарил им смерть быструю и безболезненную. Но это случилось много позже. А до того ему казалось, что он попал в страшную, но прекрасную сказку. Мастер-палач купил себе идеального ученика. Он говорил: «Сердца кочевников жестоки от рождения, и только рожденный в степи способен полюбить Боль так, чтобы нести ее с истинной радостью, не оскорбляя Великую Матерь Истины жалостью и состраданием! Ты будешь лучше меня! Ты будешь лучшим!..» И он был лучшим! В четырнадцать лет он уже сам проводил дознания, учитель же лишь благосклонно следил за его работой, милостиво позволяя изобретать и испытывать

нововведения... Усовершенствованный барабан с золотыми гвоздиками, с золотым же крюком, извлекающий через тонкий надрез в брюшной полости кишки человека и наматывающий их на себя, теперь уже не убивал жертву, боль же причинял ровно такую, какая не доводит до потери сознания, но нестерпима долее ста ударов сердца. Зубную боль юный палач предложил вызывать, не используя вообще никаких инструментов, но заставляя испытуемого поочередно пить горячую и холодную воду. Страх, считал он, мешает работе, ибо именно страх позволяет человеку подготовиться к боли. Готовый к боли человек способен дольше противостоять ей. Но это если человек сильный. Слабый же к мастеру-палачу и не попадает. Да и вообще, джаллад должен любить сильного человека, ибо только на нем, способном бросить вызов твоему мастерству, ты способен отточить свои навыки, познать новое о Великой Матери Истины... Это делает жизнь осмысленной!

Пятнадцать лет исполнилось ему, когда случилось несчастье – Хранитель Веера был уличен в попытке государственного переворота, и в тот день, когда это произошло, мастер-палач попросил своего любимого ученика лишить его жизни через боль. Приемный сын сделал для своего отца лучшее, на что был способен. За полчаса, пока императорская стража дошла до загородного имения Хранителя, чтобы арестовать всех членов его Дома, он подарил своему мастеру ту степень близости с Великой Матерью, которую может испытать лишь законный супруг с возлюбленной женой. Мастер умирал долго, но любящий ученик не посмел ускорить его смерть, лишая последнего и величайшего удовольствия в жизни. Это стало причиной того, что он не успел уйти и был арестован поспевшими стражниками. Но прощальные слова «Благодарю, мой сын!» из уст приемного отца и Учителя того стоили. К тому же императорские воины, узрев картину убийства мастера-палача дома изменника своим же учеником, сочли это проявлением лояльности к императору и не стали казнить юношу. Они арестовали его и бросили в застенки.

Но и там он провел немного времени – вскоре его забрали и перевели в Дом Дознания и Боли, где, по тайному велению императора, лучшие мастера Матери Истины со всей Поднебесной продолжали развивать дисциплину, основы которой заложил его Учитель и приемный отец. Среди мастеров оказалось немало бывших адептов учения Дзен, практиковавших боевые искусства. В юном кочевнике они узрели идеального ученика и на почти чистом листе его юного сознания стали писать каноны своих школ, стилей, направлений... Впрочем, сознание свое Ученик величайшего из палачей умело защищал, а вот тело, подвергшись испытаниям, окрепло и изменилось... Три года он провел, работая и обучаясь. Он дознавал для императора истину, причем делал это так, что люди, которых к нему приводили, даже вспомнить потом не могли, что же с ними происходило. Боль превращала события в нереальный, кошмарный сон, сознание загоняло память о нем в далекие уголки, на самые задворки, туда, куда личность сама боится заглядывать в страхе узнать о себе нечто непотребное. Самые высокопоставленные чиновники и самые отважные генералы Поднебесной Империи прошли через его юные, но и когда-то изнеженные жизнью при Хранителе Веера руки. Он окреп телом и духом, и некогда нежные руки стали тверже железа, а кроме искусства дознания, он научился еще и ремеслу убийцы. Потому что ничего иного, кроме как умений убивать себе подобных различными способами, одно изощреннее другого, он из уроков боевых искусств не вынес.

Учился он хорошо, и потому через три года почтительно лишил жизни своих учителей, затем охранников и бежал. Потому что еще мальчиком-рабом он решил для себя, что в восемнадцать лет должен исполнить кек, священный долг каждого кочевника. Возвращаться в степь он не стал, дождался работоторговцев на невольничьем рынке Наньцзина. Судьба милостиво подарила ему возможность убить их всех самому – за эти годы ни один из работоторговцев не погиб ни своей смертью, ни от рук других людей. Это еще раз убедило юного джаллада в его удачливости.

Свершив кек, он решил принять религию отцов и вышел в Наньцзине на тайный сход мусульман. Это было не очень просто – император справедливо опасался мусульман и даже казнил одного имама, заявившего, что поклонение статуям Будды в пагодах есть не что иное, как идолопоклонничество. Мусульмане не были пассивны – они собирались в тайные джемааты и даже организовывали свои школы по изучению запрещенных боевых искусств.

Благодаря пройденной школе, беглый дознаватель завоевал в прямом смысле этого слова уважение среди мастеров боевых искусств, принимая участие в нелегальных турнирах. Бои проходили как в самых бедных кварталах Бейжина, так и в домах богатых поклонников у-шу, тай-цзи-цюань и других боевых искусств, коих в Поднебесной Империи было множество.

Однажды ему пришлось сразиться с мастером боя на кинжалах, быстрым, как речная змея, но слишком самоуверенным. Будучи сам Мастером боли, ученик величайшего палача Империи позволил своему противнику достать его и принял удар кинжалами в правое плечо. Оба клинка увязли в железных мышцах тренированного жестокими мастерами боли потомка кочевников. Резко повернувшись вокруг своей оси, он обезоружил соперника, в конце же поворота нанес ему кулаком руки, пробитой кинжалами, короткий, но сильный удар в печень. Владелец дома удивился подобному способу ведения боя и захотел ближе познакомиться с бойцом. И когда он услышал от этого необычного воина слова о том, что вера в Единого Бога позволяет ему терпеть боль – он раскрыл и свой секрет. Богатый наньцзинец оказался тайным мусульманином шиитского толка. Он содержал школу у-шу, в которой обучались боевым искусствам будущие воины джихада. Бывший ученик палача получил предложение принять ислам и вступить в школу. Всё это как нельзя больше соответствовало его целям, и он согласился.

Однако, совершив *абдест* и принеся *кялиме-и-шахадет*, он не стал задерживаться в Бейжине долее чем на полгода. Этого времени ему хватило, чтобы отказаться от замыслов углубленного изучения боевого искусства у-шу. Он даже поспорил с Учителем, заявив тому, что если медитировать слишком долго, то сам джихад теряет смысл, ибо джихад есть действие, но не раздумье. Учитель же сказал в ответ, что истинный мусульманин должен начинать джихад с себя, сначала победив всё низменное в своей душе, и лишь затем обращать силу против врагов Веры, после чего... крепко поколотил его за дерзость. Мстительный юноша тем же вечером забрался на дерево напротив дома Учителя, дождался часа, когда тот начал медитировать, сидя на коврик для намаза, и убил его метко брошенным через окно метательным ножом в форме звезды, который сам выточил из железной пряжки для ремня. После чего проник в дом, забрал всё золото и ценности, какие там были, и бежал из Наньцзиня.

Он был доволен тем, что действием доказал превосходство своих мыслей над мировоззрением Учителя. Жизнь ставит задачи, и только то, что помогает эти задачи решать, стоит того, чтобы тратить время на изучение. До мысли о том, что задачи в жизни можно ставить самому, он сознательно еще не дошел, хотя и двигался в этом направлении. И первым шагом стало решение направиться в Аравию, чтобы совершить паломничество-хадж.

В Медине он поступил на службу к одному из шейхов, сторонников халифа суннитов, и более пятнадцати лет прослужил у него палачом и дознавателем. Шейх умер, его дети устроили междоусобную войну, и тогда уже не юный палач-джаллад бежал. Сначала в Каир, где пробыл несколько лет при дворе султана Египта, делая единственное, что он умел лучше всего на свете – работал палачом Султана. Айюбиды традиционно относились к выходцам из степей Ак Жайыка с благосклонностью, поскольку те наилучшим образом проявляли себя в качестве мамлюков – элитных гвардейцев в армиях египетских султанов. Здесь он даже основал свою школу джалладов – палачей-дознавателей, по примеру своего первого Отца и Учителя в Бейжине. А позже, по поручению султана, начал выполнять и особо щепетиль-

ные поручения. Он стал не просто палачом и дознавальщиком, он превратился в доверенного шпиона султана, а также в того, кто нес смерть предателям и врагам повелителя, где бы они не находились – наслаждались ли беседой в чайном духане, принимали абдест в хамаме или предавались сну в своих домах.

По поручению султана он отправился в Анатолию, где близ Кайсери встретил суфиев. К тому времени султан умер, как говорили – от невоздержанности в чревоугодии, и возвращаться в Каир джаллад не стал. Он остался с суфиями и семь лет провел с ними, изучая способности медитации. И тут пришли крестоносцы. Мусульмане Палестины были разрознены на отдельные кланы, зачастую враждовавшие между собой, у них не было единого правителя, которому можно было бы служить, да и сам джаллад уже не собирался никому предлагать свое мастерство. Потому что состоялся уже Второй крестовый поход, закончившийся неудачей крестоносцев, и джаллад, приставивший к своему титулу, а именно титулом он считал свое ремесло, еще и звание джаани-убийца, – решил объявить свой джихад против завоевателей. Он покинул суфийское медресе в Таурусских Горах и, сев на корабль пиратов с Кипра, отправился в Иерусалим.

Джаллад в прошлом, джаани сегодня, он шел по Иерусалиму, захваченному христианами. Здесь был уже христианский король, которому сегодня вечером он подаст медленную смерть – яд, вызывающий проказу. Этот яд он сделал сам, из мягкой плоти на горле прокаженного, которому подарил милосердную смерть еще полчаса назад. А еще ему нужны ученики и последователи, потому что обратно в Египет он не вернется, а его школа в Каире без него погибла. Школа не должна умирать – так его учил великий мастер-палач Дома Хранителя Императорского Веера, возлюбленный приемный отец. В горах Аламута уже рассмотрено место, где будет стоять его замок. Он назовет его Орлиным Гнездом, потому что вокруг гнездятся орлы, а мастера Дзен научили его – будь частью того, что вокруг тебя, и всё, что тебя окружает, даст тебе помощь и силу. Первые ученики – семь юношей, трое из которых выкуплены, прочие же – выкрадены из рабства у христиан, и один обращенный в мусульманство грек-архитектор, уже приступили к закладке фундамента. Но из этой поездки в Иерусалим он должен привезти еще двадцать одного ученика. Все они будут из невольников, которых множество, ведь христианские воины разоряют деревни и поселения, даже не задумываясь, скольких мстителей они вписывают в свой *кадер* -судьбу, работоторговцы же стервятниками идут им вслед, подбирая выживших... Из них он создаст армию для своего джихада. И они продолжат его школу. Школу джаллада-джаани!

* * *

Короткое рондо (во времени)

* * *

Семь имамов должны собраться в Иерусалиме. Семеро лидеров крупнейших джемаатов, объединяющих правоверных по всем близлежащим землям – от Каира и до Триполи – в общины, помогающие блюсти законы Веры, следовать Пути, указанному Пророком, соблюдать сунну, да и просто беречься от преследований со стороны христиан.

Семь имамов были приглашены королем Иерусалима, дабы заключить с ним соглашение. Иерусалимскому королю был нужен спокойный тыл – он готовился начать войну с Египтом. Айюбиды крепко засели в Каире и изрядно потрепали христианские армии по всему королевству, защита коего была долгом клятвы каждого христианского монарха. Однако Лев Пустыни, Праведник Веры, ловким ходом выманил основные войска христианского гар-

низона, завел в пески Синая и погубил в них. Никто не вернулся из похода, который начинался с такой торжественной уверенностью в победе. Силы короля Иерусалима были изрядно ослаблены, завоевание же Египта было его давней мечтой. И чтобы достигнуть желаемого, король должен был хорошо подготовиться. Скоро в Европе объявят новый крестовый поход. В Риме уже получили письма с описаниями богатств, которые таит в себе Каир. Короли европейских держав приняли послов с дорогими дарами и заверениями в том, что эти дары ничтожны по сравнению с сокровищами султанов египетских.

Семеро имамов тоже получили письма. В своих посланиях король Иерусалима говорил о том, что не должно последователям сунны Пророка, Расуль-Аллаха, мир Ему, терпеть на троне Египта Айюбида, последователя вечного джихада шиитов, почитающего имама Али наравне с Пророком, и даже титул его – Льва Ислама – извративший и называвший себя теперь Львом Пустыни. О том, что Праведник Веры себя к шиитам не совсем-то и причислял, а прозвище Лев Пустыни ему вообще дали крестоносцы, никто вспомнить не пожелал. Возрастающая власть Льва пугала имамов, союз же с иерусалимским королем сулил быстрые выгоды для своих джемаатов. Да и для себя лично! Еще не скоро быть следующему крестовому походу. Но уже сейчас союз с королем даст послабления для тех из эхли-муслим, кто живет в Александрии, Триполи или Алеппо, а оживление торговых путей пойдет на пользу всем. Времена джихада миновали – так рассуждали имамы, думая о будущем. Крестоносцы слишком сильны, удача же Айюбида, именующегося Львом, – временна! Да и негоже восьмому носить имя Праведника Веры, когда вот они – семь праведников, со своими джемаатами и опытом, и всем тем, что они сделали для своих общин за долгие годы, не заслужили и малой толики того восхищения, которое питают мусульмане всего Востока к этому даже не арабу, но курду, племяннику задиристого пьяницы, воспитавшего такое чудо из обычного пустынного князька-малолетки!

Семеро имамов готовились в путь на Иерусалим – чтобы не было иных праведников веры, кроме них, семерых. Чтобы заключить предательский союз против Льва Пустыни...

Глава III – ПАРИЖ

В замке Сен-Жермен шел пир. Было уже далеко за полночь, но рыцари не спешили расходиться с королевского угощения. Сиятельный Принц, он же герцог Бретонский, со своей супругой гостили в Париже, у короля, что само по себе давало повод для веселья, ибо если Бретань и Париж нынче едины, значит, быть полной Чаше и цвести Лилии, и пусть себе британцы вынашивают мечту воспользоваться ссорами в доме Капетингов – в этом доме нынче праздник.

Принц не посещал Париж и королевский двор вот уже долгих пять лет – с тех пор, как случился неприятный со всех точек зрения скандал. О скандале том помнили до сих пор, и шушукались в конюшнях и на подворье, на кухнях и казармах. Потому что королевского шута помнили все. Его даже вспоминали всегда так, словно писали с большой литеры – Королевский Шут... Шут Королей... Король Шутов...

Пять лет назад, в начале лета, свита Сиятельного Принца, герцога Бретани, стучала копытами своих коней по редким мощеным улицам Парижа, приближаясь к королевскому замку Сен-Жермен. Первое, что бросилось в глаза начальнику стражи, – силуэт человека, казавшийся черным на фоне багрового закатного солнца. Человек стоял на краю замковой стены и мочился в Сену.

–Бесстыжий смерд, прекрати свое грязное дело и убирайся оттуда, пока мои лучники не заставят тебя свалиться в реку уже мертвым! – закричал начальник стражи... между прочим, незаконнорожденный сын бывшего герцога Бретани, казненного совсем недавно, несколько лет назад, по обвинению в ереси и колдовстве. Начальника очень любили солдаты и совсем не любил Сиятельный Принц, будто спиной чувствующий угрозу, исходившую от собственных стражников в бретонском герцогском замке, куда он вселился, получив от своего брата, короля, эти владения в дар. Дар этот был сделан с умыслом – родной брат может оказаться тем, кого не устроит жизнь в замке и титул Сиятельного Принца... Однажды ему может захотеться стать Величеством, а не Высочеством... А потому – подальше, в Бретань... Герцога же бретонского, который верой и правдой служил еще отцу нынешнего короля, надо как ни будь... ну да – ересь! Колдовство! Союз с Дьяволом! Епископы поддержат, за обещание дать войска для Иерусалима... Риму нужно золото Востока, а потому рыцари Риму нужны тем паче... се ля ви! К тому же королем Иерусалима является не какой-нибудь чужой монарх, но родной брат короля Франции, коронованный Папой на этот трон еще совсем юношей, во исполнение договоренности с их отцом. Дальновидный отец и мудрый монарх, он первым поддержал Рим, когда поход на Святую Землю, дабы воевать Гроб Господень, был лишь честолюбивым (и признаем честно – златолюбивым) замыслом в бритых головах святых отцов, обеспечив двоих из четырех сыновей собственной короной и тронем. Старший получал Францию – по праву рождения, младшему доставался Иерусалим – в силу возраста, ибо чем дольше король юн, тем дольше королевством правит совет регентов, назначенный Римом.

Впрочем, предпоследний сын прежнего и брат нынешнего короля Франции, по мнению как собственной семьи, так и всего рыцарства страны, был излишне труслив и заговоров, возможно, творить не стал бы. Но упредить влияние врагов короны на трусливого брата Его Величество был обязан. А потому старый герцог Бретани казнен посредством Божьего Суда через испытание водой, его младшая двоюродная сестра Изольда объявлена королем наследницей, сосватана за Сиятельного Принца, и – вуаля!

Правда, из Бретани доносят, что Изольда не отличается супружеской верностью и спит с капитаном стражи... о котором говорят, что он и вовсе бастард старого герцога! Ну, да это дело теперь уже нового герцога – в чужие семейные дела король вмешиваться не дол-

жен, ибо дворянство не поймет, ландсраад же, совет Владетельных Лордов, и вовсе осудит... Недовольство же дворянства вызывать неразумно – этому еще батюшка учил, Царствие ему Небесное!.. А герцог – пока что терпит, поскольку как бы ни был он недоволен, всё же понимает, что слишком любят капитана рыцари бретонские. Однако всякому терпению есть предел!

– Не твои, а МОИ лучники! – Герцог, неуклюже сидящий на великолепном тонконогом жеребце испанской породы, подъехал к своему капитану, не скрывая выражения досады на брезгливом, капризном лице. Затем уже обратился к черному человеческому силуэту на фоне заходящего солнца:

– Действительно, как смеешь ты пачкать своими нечистотами реку? Разве не из Сены берется вода для нужд королевского замка?

Человек на замковой стене не спеша заправил свое достоинство под гульфик, после чего ответил насмешливым тоном:

– Ну, так сами посудите, сударь, насколько река грязна, а моя влага – чиста! Я уж скорее очищаю воду, разбавляя грязь этой реки более чистой жидкостью данного мне Господом тела.

Действительно, Сена смердела так, что даже кони рыцарские – и те чувствовали себя неуютно. Супруга же Сиятельного Принца, прекрасная Изольда, так и вовсе потеряла сознание от парижской вони, когда они лишь въехали в город. Смотреть же на воду было просто противно. За время жизни в провинции Сиятельный Принц отвык от городской грязи, и теперь отбросы и отходы жизни тысяч людей, населяющих Париж, проплывали перед его глазами, заставляя тосковать о милой Бретани... ну да, той самой Бретани, где каждый крестьянин помнил старого герцога и не любил нового... Но! В которой охота на фазанов – великолепна, ручьи – чисты, а запах... Запаха там, кажется, и вовсе никакого нет... если сравнивать с Парижем!

– Ты слишком дерзок даже для слуги из королевского замка! Я попрошу брата, чтобы он примерно наказал тебя за дерзость и непочтительность. Кто ты? Назовись!

Человек на замковой стене покачнулся, сделав вид, словно собирается свалиться в реку, затем из самой невероятной позы, когда падение казалось неминуемым, вдруг восстановил равновесие и залихватски натянул на голову колпак с бубенцами.

– Я, Ваше Высочество, шут вашего брата... Королевский Шут, если вам так будет угодно! И сердитесь вы на меня зря! Я ведь каждый день так чищу Сену – особенно же стараюсь перед приездом высоких гостей, дабы вода была прозрачней, и заимела лечебные свойства...

Капитан бретонской стражи при этих словах громко рассмеялся! Смех подхватили и рыцари-бретонцы. Смеялись долго, явно оценив шутку по достоинству. К своему неудовольствию, Сиятельный Принц обнаружил, что среди грубого солдатского гогота слышит и переливы нежного, женского смеха. Так могла смеяться только Изольда. Но ведь она должна была находиться в повозке без сознания, в окружении своих служанок и *mademoiselles*! Изольда очнулась! Сиятельный Принц бросился к своей супруге, которая, завидя Его Высочество, тут же прекратила смеяться и сделала такое лицо... ну, такое, какое у нее обычно бывает при недуге... страшном недуге, сразившем ее в день смерти кузена, после чего она не может принимать в свое ложе мужчин, пока не совершит паломничества в Святую Землю. Так сказал старый отшельник, которого бретонцы почитали святым за то, что он позволял, по примеру святого Франциска Ассизского, поедать свою плоть всяким мелким тварям божьим... Словом, лицо у нее было такое, когда она собиралась в чем-то отказать своему мужу.

– Ваше Высочество ведь также шутит по поводу наказания этого шута?

Принцу не оставалось ничего другого, как, сглотнув внезапно возникший ком в горле, кивнуть. Выражение лица его супруги тут же изменилось, и она вновь рассмеялась, обращаясь к служанкам:

–Его Высочество шутят!

Служанки и *mademoiselles* подхватили смех госпожи. «Все-таки она у меня умница! В который раз спасает меня из глупого положения!» – со смесью раздражения и благодарности подумал Сиятельный Принц. Дал шенкелей коню и, перейдя в авангард своего отряда, нетерпеливым кивком велел следовать в замок.

Королевский двор Франции был богат – количество свиней и кур на подворье не могло не радовать гостей, ведь вся эта живность уже сегодня будет угощением на королевском столе! Сенешаль Франции, средний брат короля и его лучший друг по охоте и прочим королевским забавам, стоял, оперев руки в бока у входа во внутренний двор замка, и спорил со старшим, судя по одеждам, егерем, о предстоящей завтра с утра охоте на вепря. В Арденском лесу водились великолепные вепри, и Его Величество вместе с сенешалем не могли упустить возможности в который раз позабавиться над трусливым младшим братом, ненавидевшим охоту на тварей крупнее фазанов по причине опасности. Единственным оружием, которым Сиятельный Принц и герцог Бретани владел сносно, был лук. Мечи, копыя и любое прочее оружие, требовавшие приближения к сопернику более чем на двадцать шагов, вгоняли третьего принца Франции в постыдную дрожь. Король же, напротив, любил сам насаживать вепрей на специально для этой цели изготовленное копые, более напоминающее рогатину, или же на боевой трезубец. Соперничать с ним в этой забаве мог только второй брат, отважный сенешаль, любимец армии рыцарей и не менее многочисленной, но более прекрасной армии парижанок, любовь которых уже стоила сенешалю зуда в причинном месте... Врачи из монастыря францисканцев посоветовали совершить паломничество в Святую Землю, и сенешаль заявлял, что готов последовать этому совету... но всё откладывал по причине неотложных дел и незавершающихся войн с Испанией. «Отправлюсь вместе с крестоносцами, когда поведу наших славных рыцарей вместе с прочим воинством Господним воевать Святую Землю во Второй крестовый поход, по примеру отца!» – говорил сенешаль, яростно расчесывая гульфик и хищно поглядывая на пробежавших мимо служанок, когда королевский лекарь заговаривал с ним об этом. Пока же, по примеру отца, благородный сенешаль водил войска против испанского короля... ах да, еще водил в свою опочивальню придворных дам, а также всех прочих особ женского полу, коих благодетельствовал своим вниманием к их прелестям...

Пять лет назад это было. Пять лет назад у него еще не провалился нос, и он еще мог кого-то и куда-то повести. Сейчас сенешаль был хвор, угрюм, на охоту не ходил, женщины его чурались, сам же он пробовал различные снадобья, в изобилии предлагаемые заезжими целителями и кудесниками – щепа от Креста Господня (полагалось молиться о здравии чресел, целуя щепу и перекрещивая больное место), толченый рог единорога (присыпать на заболевший орган и читать языческое заклинание), отвар из мандрагоры (пост в течение сорока дней, воздержание от любовных утех, пить, смешивая с сильно разбавленным вином), мазь из яиц василиска (мазать всё тело три раза на дню, если зудеть будет – не чесаться!) и даже настоей обыкновенной ромашки (пить и промывать чресла... промывать! Не дождетесь!)... Кость с пальца десницы Святого Онания, привезенная паломниками и проданная сенешалю за десять полновесных золотых экю, из всего этого списка оказалась самой чудодейственной – после ее приобретения в замке появилась служанка, не чуравшаяся сенешаля и соглашавшаяся скрашивать его ночи своим присутствием. Правда, поговаривали, что у нее, вроде бы, муж страдает такой же хворью, что и сенешаль, но всё это враки, конечно же! Не может человек неблагородного происхождения страдать тем же недугом, что и особа

королевской крови, с чем согласны и ученые медики-эскулапы, и монастырские целители, пользующиеся высокородного больного.

Многое изменилось за пять лет, думал Сиятельный Принц, наблюдая пир и разгул доблестных рыцарей. Ныне ему предстоит принять на себя обязанности сенешаля Франции по причине хвори брата и по поручению короля отправиться сначала в Рим, дабы получить перед походом благословение, а затем уж, вместе с воинством Господним, идти в Иерусалим, куда втайне позвал четвертый брат, король Иерусалима. Втайне не от Рима, но от Ордена Тамплиеров. Этот недавно, сразу после Первого крестового похода учрежденный орден быстро обрел силу, причем силу серьезную. Власть Храмовников во Франции велика настолько, что заставляет порой даже короля задумываться... о чем? То одному лишь Папе известно, ибо всё, что касается Тампля и взаимоотношений Короны с Орденом монарх обсуждает лишь с понтификом. Орден, конечно, не враг Короне, но Его Величество не любит давления ни с чьей стороны, магистр же тамплиеров позволяет себе порой вмешиваться в дела королевские, чем неизменно раздражает короля, который не глуп, но и слабостям человеческим не чужд, а уж властолюбив – с самого детства. Многое изменилось с течением времени, а это в нем – осталось...

Многое изменилось... Нет, например, больше Королевского Шута, и герцога-бастарда тоже нет, того, кто был когда-то капитаном бретонских стражников...

Сиятельный Принц помнил взгляды, которые пять лет назад бросали друг на друга Изольда, и дерзкий Шут. То ли увидела она достоинство его, когда он мочился со стены замка в реку, то ли дерзость привлекла – однако взгляды Изольды, что исходили из ее прекрасных черных глаз, как и взгляды голубых со сталью глаз Шута на том приветственном пиру, были пылкими... А ревность капитана-бастарда – явной.

Там же, на пиру, Шут взял в руки лютню и провозгласил, что собирается исполнить только что сочиненную им пьесу в честь прекрасной дамы, и называться она будет соответственно – «Рондо для Изольды». Капитан бретонской стражи громко хмыкнул и собрался было что-то сказать, однако прочие придворные зашикали на него, не дав помешать исполнению пьесы, сам же король, приблизив губы, лоснившиеся от жира бараньей ноги, которую он держал в руке, к уху герцога Бретонского, дружелюбно посоветовал:

– Ты, братец, своего бретонца попридержи, незачем ему на нашего Шута нарываться. Он у нас не из простых, рыцарского звания, а в рыцари его из оруженосцев я сам возводил, за подвиг, подобный Роландову. Это ведь он, когда баски из засады в горах на обоз с выкупом для наших рыцарей от плена испанского короля напали, один живой остался, но врагов перебил, поскольку мечом и копьем владеет искусно. Шестерых разбойников жизни лишил, изранен был жестоко, однако обоз до заставы испанской доставил, хоть и единственный из отряда в десяток рыцарей да столько же оруженосцев, выжил. А на обратном пути к маврам в плен попал, год с ними прожил, пока я его обратно не выкупил, поскольку даже испанцы о его доблести легенды складывать стали. А он у мавров тех, говорят, магометанство принял, чтобы живым остаться, да великую муку по обрезанию плоти на мужеском достоинстве своем перенес... Он у него теперь того... ГОЛЫЙ! Я сам видел! – Король многозначительно кивнул, и становилось понятно из этого кивка, как и всей речи, что связываться бретонскому бастарду с шутком, у которого мужское достоинство ГОЛОЕ, совсем ни к чему.

– А обратное крещение-то он принял? – спросил, пожевав отчего-то пересохшие вдруг губы, бретонский герцог и младший брат короля (представив себе ГОЛЫЙ орган Шута, Сиятельный Принц почему-то испытал удивительное волнение).

– А как же?! – проговорил король, чавкая изрядным куском бараньей ноги. – У тамплиеров крестился, как обратно вернули мы его. В тот же день. Не особо хотел, но как прознал, что я его в рыцари, некрещеного, принять не могу, так и передумал. Сразу, как крестился, в тот же день и рыцарем стал. А потом... короче, полюбил я его, да и решил, что хватит с

него подвигов. На язык боек, да лютней владеет, что Орфей греческий... Это мне монахи так сказали... Не знаю, Орфея не слышал, а наш Шут играет хорошо. Да ты сам послушай. Твоей женошке-то посвящает, гляди! – Король, хищно усмехнувшись, подмигнул братцу и вгрызся в баранью ногу.

Сиятельный Принц попытался вслушаться в звуки музыки, очень нежной и лиричной, но сознание противилось воспринимать эту красоту. Наверное, потому, что взгляд Принца уперся в супругу. Изольда жадно, неприлично пристально смотрела на Шута, игравшего для нее. Неподдалеку от нее стоял бастард старого герцога и, в свою очередь, пожирал ревнивым взглядом свою госпожу, не обращавшую на бывшего фаворита ни малейшего внимания. Принц вконец расстроился и, будучи в утомлении духа, принялся налегать на великолепное вино. Правда, в отличие от старшего брата, есть он не хотел, лишь пил и потому довольно скоро обнаружил, что ему очень трудно сидеть за столом – тело всё норовило уйти ПОД стол... Подоспели крепкие руки и плечи, подняли грузное, такое непослушное тело, и повели в покои... Верные бретонцы провожали своего господина в опочивальню... Верные?! Сиятельный Принц пьяно усмехнулся этой мысли. Надо же, сегодня он уже во второй раз испытывает это чувство – смесь раздражения и благодарности к тем, кого он боится... и чьей любви ему так хочется...

На мысли о том, как же ему хочется хоть чьей-нибудь любви, Сиятельный Принц провалился в глубокий, тяжелый сон...

...из которого его утром вывел звук охотничьего рога, пронзительно и раздражающе прозвучавший под самыми окнами покоев. Звук этот герцог Бретонский не любил – он напоминал ему визг свиньи, которую закалывают на праздник... Вроде бы для праздника, а веселья – никакого! Слуги, присланные королем, не столько помогали, сколько заставляли одеваться – Его Величество явно дал строгое указание с младшим братом особо не церемониться, и как можно быстрее спустить во двор, дабы началась охота! Одеваясь, Принц задумался, стоит ли брать на охоту небольшой арбалет, который он обычно носил с собой в Бретани. На всякий случай, от возможных заговорщиков... Немного поколебавшись, решил все-таки взять – лук ему с собой всё равно не дадут, а с мечом или копьем в руках он так же беззащитен, как и без них. Капризным жестом прогнав слуг, закрепил невзведенный арбалет на поясе, за спиной, сверху накинул охотничий плащ...

Тяжело отдуваясь, с горящим от внутренней засухи горлом, Сиятельный Принц спустился во двор. Ему подвели коня. Неподдалеку он увидел Изольду – супруга стояла рядом с Королевским Шутом, и глаза у нее были красные, словно всю ночь она ни разу не сомкнула век. Возможно, он до утра пел ей свои песни?..

–А где мой капитан стражи? – Слова вырвались из горла, словно хрип у больного животного... Шут мгновенно подбежал к герцогу Бретонскому и протянул ему кожаную флягу, в которой булькало... Вино!.. Благословенная жидкость исцеляющим потоком пронеслась по гортани, по пути освежив нёбо, умягчив шершавость языка и взорвавшись сотнями райских звездочек перед глазами... И да воссияет свет! Самочувствие Сиятельного Принца значительно улучшилось, и он снова спросил:

–Так, где капитан бретонских стражников? Где МОЙ капитан?

Шут, нимало не смутившись, быстро ответил:

–Ваш капитан, судя по всему, несколько увлекся вчера вином и теперь наверняка спит где-нибудь в замке. Слуги его так и не смогли разыскать. Но я ЛИЧНО поеду с вами и буду оберегать вас, Ваше Высочество! Вы согласны?

Вспомнились слова короля о том, что этот Шут в одиночку справился с целой засадой баскских разбойников. А еще почему-то вспомнилось, сказанное о ГОЛОМ органе... Сиятельный Принц закашлялся и согласно замотал головой.

–Ну, вот и прекрасно! Гранмерси за доверие, Ваше Высочество! Вы не будете разочарованы! – весело сказал Шут и ловко вскочил на прекрасного вороного коня, которого ему подвели конюхи. «Тоже – испанской породы! – почему-то завистливо подумал Принц. – Откуда у шута, пусть и королевского, столько золота, чтобы купить такую лошадь?» Шут, словно прочитав мысли своего спутника, с улыбкой сказал:

–Это ибериец! Я его привез с собой из Гранады, где пробыл в плену год. Подарок эмира!..

–Дорогой подарок! Как будто ты был в почетном плену у этих мавров!

Шут согласно кивнул в ответ:

–Когда я принял ислам, они стали относиться ко мне очень хорошо. Эмир надеялся, что я смогу уговорить нашего короля на союз против испанцев. Почти удалось... Это было бы выгодно всем, и маврам, и Франции, но кардинал и епископы помешали. Пригрозили королю анафемой, если он пойдет на союз с магометанами против католического монарха. Сказали – выбирайте себе союзников среди христиан, и Папа сам благословит вас на войну с Испанией. Но у Франции сейчас нет союзников! А уж с Испанией связываться так и вовсе никто не станет..

–Для шута ты слишком много знаешь... И значишь!.. – язвительно заметил Сиятельный Принц. Шут в ответ лишь усмехнулся:

–А вы, оказывается, умнее, чем предполагают окружающие вас!..

Слова Шута приятно удивили, и даже обескуражили... Почему-то в голову всё время лезли непонятные мысли о ГОЛОМ достоинстве... Сиятельный Принц вдруг поймал себя на том, что начал испытывать к Шуту необъяснимую, но вполне определенную приязнь.

Охотничья кавалькада уже выехала из королевского замка и двигалась в направлении Арденского леса. Вскоре егеря начнут поднимать и гнать вепря... Представив себе ужасное животное, с жуткими, способными пропороть человека клыками и телом размером с лошадь, герцог Бретонский испытал такое уже знакомое ему с детства чувство ужаса, что даже немного обрадовался этому привычному настроению, заменившему непривычное, хоть и сладостное, томление в сердце...

–Поедем тише. Не стоит забегать впереди короля! – сказал он. Шут понимающе улыбнулся:

–Умные слова! Короли вообще не любят, когда кто-то опережает их... если только не на поле боя, где впереди идущий может схлопотать стрелу или арбалетный болт... А уж нашего короля, да на охоте, опережать даже сенешаль не осмеливается...

–Это у них с детства так заведено! – сказал Сиятельный Принц и тут же недовольно одернул себя. Еще чего не хватало, пускаться в детские воспоминания с шутком! Пусть и королевским... Тем более!

Шут внимательно посмотрел на Принца:

–Вы ведь не трус! Это они вас так напугали в детстве?

Сиятельный Принц был ошеломлен такой наглостью Шута, но не нашелся, что сказать. Некоторое время ехали молча. Затем вдруг Принц тихо спросил:

–С чего ты взял?.. Почему решил, что я... смелый?

Шут ответил спокойно, словно ожидал этого вопроса:

–Мне Изольда рассказала. Как вы каждый день проживаете свою жизнь там, в Бретани, в окружении людей, которые, как вы считаете, ненавидят вас, потому что вы стали причиной смерти их герцога. И вы живете этот каждый день, проживаете свою жизнь, зная, что вы сами этого и не хотели, вам не нужно было ни это герцогство, ни этот несчастливый брак, что всё это было нужно королю, но вы... вы сами не заслужили ни капли этой ненависти, и на самом деле хотели бы править своим герцогством справедливо... Вы отменили *prima nocte* – право первой ночи на своих землях... Возглавили поход против бретонских

разбойников, хотя ненавидите сражения и смертоубийства... Самая большая смелость – это способность побороть свой страх, причем делать это не от битвы к битве, отдыхая на пирах между сражениями, но каждый день своей жизни...

–Изольда?! Она сама... сама всё это тебе рассказала? Зачем? – Горло у Принца опять пересохло, он заговорил сипло, с трудом разбирая собственные слова. Но Шут услышал. Протянул кожаную флягу с вином, ответил:

–Потому что она любит вас. Вас, такого, какой вы есть, с вашими страхами, слабостями, болью и обидой на незаслуженную ненависть. Она видит в вас доброе, истинно христианское сердце. Она боится за вас и делает всё, что только может сделать слабая женщина, пытаюсь защитить вас от интриг бастарда старого герцога... Того, в чьей смерти попрекают вас, того, который еретиком и колдуном хоть и не был, но был изрядным распутником и очень жестоким человеком. Чего о вас не скажешь... Я не прикасался к вашей супруге! – вдруг сказал он.

Принц остановил коня. Шут тоже остановился. Посмотрел на Принца и сказал:

–Даю вам слово чести. Этой ночью Изольда была верна вам!

«Этой ночью!.. – почему-то с болью вдруг подумал Принц. – Впрочем, о бастарде я и так знаю! Выходит, она была с ним, чтобы сдерживать, не позволять устраивать интриги против меня... предупредить его желания... Но почему же тогда?.. Почему она не допускает к себе меня, если любит?»

–Бастард очень ревнив. А еще он ненавидит и презирает вас! – снова, как будто прочитав его мысли, заговорил Шут. – В этом его слабость, кстати. Нельзя недооценивать противника, только потому, что ты видишь лишь его слабые стороны...

Шут замолчал и, легко тронув своего иберийца пятками, двинул лошадь вперед. Принц последовал за ним. Охотничья кавалькада уже вошла в лес, из чащи слышались звуки охотничьего рога... Охота ушла далеко вперед, Принц с Шутом безнадежно отстали. Впрочем, герцога Бретонского это совершенно не огорчало.

Принц и Шут уже подъехали к опушке Арденского леса, когда позади раздался топот копыт. Дорожная пыль клубилась под лошадь, несшей на себе знакомую фигуру. При полном боевом облачении к ним приближался бастард-бретонец, капитан его стражи... с обнаженным мечом и горящими от ярости глазами.

–Скоморох, змееныш, аспид, исчадие геенны, подлый ублюдок! – Бретонец выкрикивал оскорбления, смешивая церковные страсти с площадной бранью, едва приблизившись, но даже не думая останавливать коня. Видимо, собирался зарубить Шута прямо на скаку, подумалось Принцу, и вдруг он сделал то, чего никак от себя не ожидал. Двинув лошадь вперед, он заградил собой Шута, заставив капитана резко остановиться.

–Капитан, как ты смеешь? Этот человек – шут моего брата, и... – Принц начал было говорить, но умолк, обнаружив у самого своего горла острие меча бретонского капитана.

–Ты!.. Мерзкий рогоносец, ты – молчи! Этот Шут прошедшей ночью напоил меня вином с сонным зельем и, пользуясь моей беспомощностью, обесчестил твою жену, а ты еще смеешь мне что-то говорить? Трус, тебе следовало родиться женщиной! Убирайся с моей дороги и не мешай мне сделать то, что должен был бы сделать ты! – Принц смотрел на говорящего бретонца, на клинок, качающийся острием у самого горла, и страх сковывал его душу... сердце... Казалось, этот миг позора он не может, не должен пережить, он просто обязан взять и умереть прямо тут, на месте, чтобы всё это закончилось и уже больше никогда...

–Ваше Высочество, позвольте этому человеку попытаться сделать то, что он желает. Он только что оскорбил меня, человека рыцарского и дворянского звания. Услышать от бастарда слово «ублюдок», конечно, оскорбление сомнительное, но мы в Париже такое спускать не привыкли. Он ведь ваш вассал? Вы позволите мне вызвать его на дуэль?

Словно в каком-то оцепенении, Принц кивнул. Уже знакомое чувство – смесь благодарности и тупого раздражения – снова охватило его. На его глазах Шут снял с руки перчатку и швырнул ее прямо в лицо бретонцу. Попал в шлем. Бретонец ошарашенно моргнул, затем побагровел и, взревев, бросился на Шута, угрожая заодно, по пути, разрубить и своего сюзерена...

Испанец под седлом Принца был обучен для боя и вскинулся на дыбы. Выносливая, но неказистая лошадка из бретонских конюшен испугалась и шарахнулась в сторону, сбросив с себя разъяренного седока. Перекатившись через себя, бастард мгновенно поднялся и, широко расставив ноги, выставил перед собой меч, готовясь встретить Шута. Однако его соперник и не думал атаковать верхом. Спокойно соскочив со своего иберийца, Шут легким, даже изящным движением обнажил свой меч с узким клинком. Летнее солнце зло улыбнулось поединщикам, отразившись от испанской стали необычного меча в руках у Королевского Шута.

Легкими шагами Шут приблизился к своему сопернику, нанес удар, пробуя защиту, и легко отразил контратаку бретонца. Принц с удивлением обнаружил, что клинок в руках Шута слегка прогибается и пружинит, но даже не думает ломаться от ударов тяжелого полуторного меча бретонца. Шут бился легко, изящно, и манера боя с мечом у него была необычная. Левую руку он держал за спиной, управляясь своим оружием одной правой рукой.

«Красиво бьется! – подумал Принц. – Как будто и не бой вовсе, а танец. Только... бастард ведь в доспехах, а на Шуте – охотничий костюм. Неравный бой...» Словно молнией, в голове быстро, почти неуловимо промелькнули слова: «... сделать то, что должен был бы сделать ты...» Это бастард сказал. Но Принц вдруг понял – Шут его брата делает сейчас то, что должен, но не может сделать он. «Должен... Сделать...» – Принц понял, что именно ОН должен сделать... СЕЙЧАС!.. И, словно в поддержку, прозвучали в голове слова Шута: «Вы ведь не трус!.. Самая большая смелость – это способность побороть свой страх... каждый день...»

«Каждый день...» – неслышно прошептали губы Принца, а рука уже вытягивала из-за спины арбалет... руки сами заводили тугую пружину, вкладывали болт в канавку... Принц стрелял из этого арбалета очень даже хорошо, поскольку часто тренировался у себя в покоях, там, в Бретани, порой часами пробивая болтами щиты, развешанные на стенах. Однако теперь он боялся... Он боялся попасть в Шута!

Почему-то вспомнилось про ГОЛЫЙ орган, и Принц рассмеялся. Смех прозвучал так некстати в этом лязге смертоносной стали, что оба поединщика на миг остановились. Бретонец обернулся и бросил быстрый, полный презрения, взгляд, на своего сюзерена. Очень удачно получилось – болт, вырвавшись из канавки, пролетел и пробил горло бретонца насквозь... Бретонец закачался, выпустил меч из рук, схватился за горло, пытаясь остановить фонтан бьющей наружу крови... кровь вырывалась сквозь пальцы, вытекая из этого сильного тела... тела, которое уже через минуту лежало на земле, билось, как в падучей, а жизнь продолжала покидать его... Шут приблизился к умирающему и с силой вогнал свой клинок прямо в то место, которое пробил болт... пробив заодно кисти рук умирающего, пытавшегося закрыть отверстие. Повернул в ране и резко выдернул. Кровь выплеснулась широкой струей и остановилась. Бретонец умер.

–Ты подарил ему быструю смерть? – дрожащим голосом спросил Принц.

–Нет. Я сделал так, чтобы все подумали, будто это я убил его. Его должен был убить именно я. Я действительно вчера дал ему вино с сонным зельем. Мой король приказал мне убить этого бастарда, потому что Его Величеству не угодно такое оскорбление чести его семьи. А еще я сам захотел это сделать после разговора с вашей женой. Бретонцы не должны знать, что его убили вы, иначе они могут восстать. А вот смерть на дуэли, из-за ревности – это, по мнению рыцарей, вполне обыкновенно, и вас уже винить никто не стал бы. К тому

же смерть от руки шута покрыла бы позором саму память об этом... славном воине!.. – При этих словах Шут криво усмехнулся. – Ваше Высочество, все должны думать, будто это я убил вашего капитана. На честной дуэли. Вы – свидетель.

–Я хочу... хочу, чтобы Изольда знала правду! – Принц с трудом выговорил эти слова, и просительно посмотрел на Шута. Тот ободряюще улыбнулся в ответ:

–У вас с Изольдой теперь всё будет хорошо. Но... хорошо, я расскажу ей правду. Сам.

–Да... Так будет лучше всего! – благодарно проговорил Принц. – А что... что будет с тобой? Дуэль или нет, король всё равно должен будет наказать тебя, чтобы мои бретонцы успокоились.

На этот раз Шут улыбнулся почти весело:

–О, мой король пообещал мне награду, о которой я просил его уже давно! За это деяние он прилюдно лишит меня своей милости и сошлет в монастырь... К тамплиерам! Я приму постриг и уйду из мира служить Господу нашему. Моя мечта!..

Принц улыбнулся мечте Шута. Улыбка получилась немного грустная – уже пять лет прошло с тех пор, как похоронили бастарда. Бретонцы свыклись с новым герцогом и даже стали проявлять к нему знаки почтения – особенно после того, как недавно его супруга забеременела. Герцог Бретонский порой тешился мыслию, что Господь велик и воистину всё в руке Его – сколько раз восходил бастард на ложе его супруги, но она ни разу не понесла от него. После смерти же капитана стражи... Куда-то вдруг исчез-испарился отшельник, что прописал Изольде паломничество в Иерусалим. Недуг супруги прошел, и вот – Господь наградил их!.. Король пожаловал брату новых привилегий, а теперь еще и назначил сенешалем, на место среднего брата... Принц подозревал, что кроме Изольды, еще один человек знает правду об убийстве бретонца... и знает от Шута. Этот человек – король. После того дня Его Величество стал проявлять к младшему брату гораздо больше уважения.

Шут принял постриг в монастыре Ордена Тамплиеров и вскоре покинул Францию. Говорят, он нынче в Иерусалиме... Скоро и ему, должнику бывшего шута, ныне монаха-тамплиера, Сиятельному Принцу и герцогу Бретонскому, предстоит отправиться туда, на Святую Землю. Король обещал Папе дать воинов – и он их даст. В поход отправятся и герцог Анжуйский, и граф де Монсоро, и даже старый Де Вилье собирается сбить ржавчину с доспехов и присоединиться к крестоносцам вместе со своими тремя сыновьями. А ведь он, кстати, дальний родственник Изольды и когда-то даже считался претендентом на герцогство Бретонское... Впрочем, после того как объявили о беременности герцогини Изольды, старик постоянно говорит, что Бретань нашла свою династию и его род должен или стяжать себе славу, доблесть и богатство на поле битвы, или же погибнуть, как то достойно потомков Роланда. То есть с непременною рога в зубах, мечом в руке и на груди убиенных басков или, на худой конец, сарацин.

Пир продолжается. Средний брат, бывший сенешаль, молится в часовне, а затем пойдет к себе в покои. Вон уже и эта его единственная нынче любовь в сторону покоев Принца направилась. К герцогу Бретонскому подошла его жена.

–Изольда! – тихо выдохнул он ее имя. – Помнишь, пять лет назад?..

–Всё помню, мой господин! – нежно рассмеялась она и вдруг сразу сделалась грустной. – Не хватает только одного...

–Шута? – спросил Принц, и легкий укол ревности, смешавшись со сладкой болью (ГОЛЫЙ орган... Господи, прости мя, грешного!), растревожил успокоившиеся было мысли...

–Нет, мой возлюбленный господин и супруг. Не хватает только «Рондо для Изольды»...

* * *

Короткое рондо (вне времени)

* * *

По Европе горят костры. Молот ведьм крушит кости и плоть дочерей Евы и Лилит – без разницы ему, молоту, в руках у озабоченных отсутствием плотской любви в жизни служителей... кого? Бога? Какого?

По Европе горят костры. Чресла и лона, сотворенные Богом, чтобы рождать новую жизнь, превращаются в золу и пепел. Носители celibата истребляют искус, вместо того, чтобы противостоять ему. Церковь уничтожает женщин. Молот ведьм убивает матерей.

По Европе горят костры. Рыжие шалуньи и смуглые затворницы – каждая во грехе, глаголет Церковь, и Церковь же утверждает – ибо яблоко вкусила первой Женщина, ибо мир принадлежит мужчинам, ибо спорят богословы – есть ли у женщины душа или она изначально осквернена дыханием Дьявола, и потому – смерть им, смерть, верным и неверным... Верным мужьям своим, что отказали священнику в постыдном и запретном удовольствии плоти, соблюдая преданность супругам... Неверным – за смущение умов и души обилием любви в этих прекрасных телах...

По Европе горят костры. Европа сжигает Красоту. Европа сжигает Жизнь. Европа сжигает Женщину. Словно Молот языческого Тора попал в руки отрока, страдающего приступами одержимости и жестоко обиженного первой отроческой влюбленностью... И стал молот языческого бога орудием в руках тех, кому не впервой заимствовать у древних богов – их праздники... святых... чудеса... Теперь вот – и оружие.

По Европе горят костры. Еще сожгут спасительницу нации, которую позже сами же и причислят к лику святых. Сожгут ученых, поэтов, философов, евреев, иноверцев, единоверцев, не угодных самодержцам... Ну а пока – жгут самых слабых. Жгут женщин...

Горят по Европе костры...

Глава IV – АЛАМУТ

Орел смотрел на мальчика так, словно тот ему был должен. Может, и вправду – должен? Пришел тут, понимаешь, никто его сюда не звал, залез в гнездо и сидит. Почему убить орла *Муаллим* (Учитель) доверил именно ему, Сейд не знал. Убить полагалось голыми руками. А гнездо – разорить. Так сказал Муаллим, а слова Учителя – закон для гашишшина. Впрочем, Сейд еще не стал гашишшином в полном смысле этого слова – гашиш он пока еще ни разу не пробовал. Учитель сказал – когда тебе исполнится ровно двенадцать лет, ты приобщишься к этому злу! Гашиш – *мекрух*, вещество, от потребления которого правоверному советуется воздержаться, и это в силе для всех *мезхебов*, течений ислама, однако у Муаллима – свои правила. Он – *имам* своего *джемаата*, Учитель и *алим*, толкующий суры и *хадисы* – события из жизнеописания Пророка. Только ему дозволен *йорум* — толкование жизни Пророка, да пребудет Он в мире, и послания Всевышнего в *Кур’ан* и *Керим*. Во всяком случае, так обстоит дело в джемаате Аламута. Алимов из прочих *мезхебов* Учитель называл болтунами, не делающими ничего для спасения единоверцев от бесчинства крестового воинства. А болтунов Учитель не любил.

Он и учил соответственно – молча. Показывал один раз, потом смотрел сам – как усвоено. Если плохо – бил. Тоже молча. Но – больно!..

А, шайтан, как больно! Орел клюнул – резко, неожиданно – прямо в руку, ухватившуюся за острый выступ скалы рядом с гнездом. Хорошо, что Муаллим тренировал терпеть боль, но не выпускать из рук оружия... кстати – таким вот образом и тренировал... висели на скальном карнизе на высоте тридцати локтей над горной рекой... А Муаллим ходил, и палкой по пальцам... Сначала все падали... Теперь – никто не падает! Руки другими стали. Руки – наше оружие, как говорит Муаллим.

Рука, еще мгновение назад крепко обхватывавшая острый камень, теперь держала орла за горло. Неширокая детская ладошка, но на тонкую под густыми перьями птичью шею хватило. И даром что неширокая – стальные на деле, детские на вид пальцы давили с невероятной силой... птичьи глаза как-то смешно вылупились из глазниц, большой клюв открылся, язык неестественно прямой стрелкой вытянулся в струну... По руке стекала кровь – как раз там, где первый удар клювом выдрал кожу с плотью...

* * *

...По руке стекала кровь. Она стекала по всему телу караванбаши, голышом подвешенного на крюке под потолком пыточной. Палач иерусалимского короля, египтянин по прозвищу Железный Копт, чуть ранее вскрыл жилы на икрах пытаемого. Вскрыл искусно, круговым надрезом поперек покрытых редким волосом смуглых ног, связанных у щиколоток, так, чтобы кровь равномерно стекала по всему жирному телу, висящему вниз головой... Палач протер ветошью кровь с губ караванбаши и спросил еще раз, мягко спросил, можно даже сказать – добрым голосом:

– На тебе найдено письмо, которое ты должен был передать человеку, известному как Джаллад-Джаани, Палач-Убийца, Первый среди убийц-гашишшинов, объявленных преступниками Его Величеством Королем Иерусалимским и находящимся в розыске приказом Магистра Тамплиеров, милорда Де Сабри... Где ты должен был встретиться с этим человеком?

Караванбаши в ответ в очередной раз замычал, а затем попытался извлечь какой-то звук, но кроме булькающего «г’аааагль... гааа...» из его горла ничего не выходило... И не могло выйти – язык ему сам же палач отрезал перед тем, как вскрыть вены на ногах... Глаза

караванбаши бешено вращались, иногда задерживаясь на том, о ком вопрошал Железный Копт.

Джаллад-Джаани, суфий-убийца, стоял прямо напротив висящего вниз головой караванбаши, держал за руку маленького мальчика и, одобрительно улыбаясь, смотрел на работу своего ученика. Палач короля Иерусалима был из его первых воспитанников... Тогда он еще не строил Орлиное Гнездо, и учеников у него было мало... Этого же он учил еще в те времена, когда работал на египетского султана. Железный Копт приехал в Иерусалим из Каира, как раз тогда, когда умер султан. И сразу же нашел работу – сначала дознавальщиком у авантюриста и капитана солдат удачи по прозвищу Сабельник, когда тот еще не принял монашеский постриг, затем, по его рекомендации, перешел на королевскую службу. Сейчас Де Сабри возглавлял Орден Тамплиеров. Его палач же был главным дознавальщиком короля Иерусалима. В его обязанности входило допытывать и узнавать важные для короля и государства сведения... такие, например, как выяснение местоположения опасного преступника, известного как Джаллад-Джаани... Его Учителя...

Караванбаши сделал глупость. Выпив шар'аба, злой воды из винограда, он похвлялся перед Джалладом, что сам наводит крестоносцев на деревни пустынных бедави и может привести к нему столько молодых мальчиков-рабов, сколько тот захочет... Встреча в духане заканчивалась для караванбаши самым приятственным образом – он получил за мальчика-сейда тяжелый золотой перстень с изумрудом, к тому же великий и страшный Джаллад-Джаани соизволил провести с ним целый вечер, угощая шар'абом и выслушивая о подвигах работорговца. И даже вызвался сам проводить его до караван-сарая, где тот остановился... В обществе такого человека можно было без страха идти в сколь угодно пьяном состоянии по самым значным улицам любого города мира, считал караванбаши, и был по-своему прав... Дорога из духана в караван-сарай шла через темные, несмотря на полную луну, улочки предместий Иерусалима, и ночные бродяжки исчезали во мраке ночи при одном только виде высокой фигуры Джаллада, бережно ведшего под руку пьяного вдрызг караванбаши... Осмелевший донельзя, работорговец даже попытался заплетающимся языком читать громко вслух запретные, объявленные харам вирши поэта пустыни и эмира-бродяги Кей-Кобада, запнулся и, смеясь, заявил своему провожатому, что такой грязный, как у него, язык, следовало бы отрезать... «Обязательно», – мягко ответил Джаллад и повел караванбаши дальше. Мальчик шел совсем рядом и молчал. Потому что Муаллим – именно так велел этот новый и удивительный человек называть его – приказал делать две вещи. Быть рядом и молчать. Больше ничего. Да, самое важное! Когда мальчик-сейд спросил «Кто ты?» у того, кто купил его, тот с улыбкой ответил: «Я – твой отец и учитель! Теперь ты будешь звать меня Муаллим».

Шли почему-то очень долго. Мальчик помнил, где находился караван-сарай. Он был недалеко от западной городской стены. Караван-сарай для работорговцев, потому что по указу короля Иерусалима, в самом городе торговать людьми было запрещено. Муаллим же вел работорговца прямо в город... Вот и ворота прошли, причем охрана почему-то сделала вид, что не заметила ничего... Ничего не замечал и пьяный караванбаши... наверное потому, что Муаллим не забывал подавать ему кожаную флягу с шар'аб, которая висела у него на поясе. Зачем он носит ее с собой? Ведь он эхли-муслим, из правоверных и соблюдает харам на вино, мальчик сам видел, что за весь вечер Муаллим ни разу не прикоснулся к злой воде.

Отец и Учитель довел караванбаши до входа в приземистую башню, находившуюся уже в самом центре города, неподалеку от дворца короля. Здесь караванбаши, казалось, вдруг очнулся:

–«Б-башня... п-п-плача»? Ба-ба-башня Палача! Гы-ы-ы-ы... Тут тебя ищут! Да-а-авно! Даже меня спрашивали! Но я... цэ-цэ-цэ... – Караванбаши зацокал языком и замотал голо-

вой, словно отказываясь говорить тем, кто ищет Джаллада-Джаани, – ни-че-го не сказал! Ассала...

Караванбаши вдруг запнулся – маленькая дверца, ведущая в башню, открылась, и оттуда показался высокий, плотный человек, обнаженный по пояс. Его плечи туго обтягивали железные браслеты, казалось, готовые лопнуть под бугрящимися мышцами. Голова была брита наголо и тускло сверкала в свете полной иерусалимской луны. Человек поклонился Джалладу-Джаани:

–Мир тебе, Учитель!

–И тебе мир, Железный Копт. Этот в прошлый раз обо мне говорил?

Железный Копт – палач короля иерусалимского, внимательно всмотрелся в лицо онемевшего от ужаса караванщика и кивнул, приглашая внутрь:

–Этот. Проходите!

И как только они оказались внутри, без слов, резко повернулся и быстрым ударом кулака в челюсть лишил караванбаши сознания. Взял одной рукой со стола нож с крючкообразным навершием, другой рукой схватился за длинный нос караванбаши, слегка сжал ноздри работаровца и, как только тот открыл рот, чтобы глотнуть воздуха, подцепил крючком язык и потянул на себя... затем отпустил нос несчастного и резко ударил коленом под подбородок... Почти половина языка караванщика, откушенная им же самим, болталась на крючкообразном навершии ножа, который королевский палач бережно положил обратно на стол. Караванщик, пришедший было в сознание, вновь провалился в беспомыслие. Железный Копт мягко подхватил его под мышки и потащил к большому деревянному креслу, похожему на трон. Усадил, привязал за запястья к подлокотникам, взял со стола деревянный зажим, которым прихватил ноздри несчастного работаровца, чтобы тот вновь открыл рот. Затем взял короткую, но толстую иглу, продел в нее нить из бараньего сухожилия... Другой рукой взял щипцы с шипами, схватил за обрубок языка и, как мог далеко, вытянув его, принялся зашивать. Иногда прерываясь, чтобы собрать кровь кусками ветоши, во множестве лежавшими вокруг. Работал палач быстро, споро, уверенно... Вскоре кровотечение во рту караванщика прекратилось, тем более что, закончив зашивать обрубок, палач обработал его тягучей, темно-золотистой смолой.

Учитель подошел к столу палача, с интересом посмотрел на миску с тягучим, янтарным веществом:

–Что-то новое?

–Смола ливанского кедра *чам*, Учитель... – со смущенной, но полной гордости улыбкой за свое нововведение в Искусство, сказал Железный Копт. – Останавливает кровотечение, но не притупляет боли... Сам нашел!

–Ну, предположим, не сам, – укоризненно протянул Муаллим, – о свойствах смолы ливанского кедра писал еще Абу Сина в своем трактате, который я тебе и рекомендовал читать в Каире... Выучил?

–Наизусть, Учитель! – с поклоном ответил Железный Копт.

–Всё равно – хвалю. Использовать его в нашем Искусстве тебе пришло в голову первому. А вот за то, что грязно у тебя тут... – Муаллим обвел рукой пространство пыточной, – ... за это хвалить не буду! Здоровье пытаемых подвергается большой опасности в такой грязи... Раны могут в дальнейшем начать гноиться и стать причиной нежелательной смерти, что недопустимо для мастера дознания.

–Людей не хватает, Учитель! Один ведь я! – Палач виновато развел руками.

–Понимаю. Ну, раз уж ты сам начал нововведения придумывать, значит, созрел и ученика себе брать. – Муаллим ласково посмотрел на Железного Копта. Лысина крупного египтянина покрылась капельками пота, лицо приняло одновременно изумленное и счастливое выражение.

–Мне?! Уже... можно?.. Учитель!.. Сюда, ко мне... МОЕГО ученика!.. – Взгляд Железного Копта радостно заметался по его царству пыток, вдруг остановившись на мальчишке-сейде, безучастно стоявшем рядом с Джалладом-Джаани, затем с надеждой переместился на Учителя. Тот строго ответил взглядом на взгляд, покачал головой:

–Этого я тебе не дам, не рассчитывай. Сейду палачом не быть, кровь не та, Аллаху не угодно будет. Его дорога – мой джихад. Себе ученика искать будешь сам! – и, словно упреждая вопрос, добавил: – Среди своих, христиан, не бери! Иерусалимские христиане слишком близки к заповедям пророка Исы, мир ему. Возьми иудейского ребенка...

Железный Копт покачал лысой головой:

–Иудеи своих детей не продают. А в ученики христианскому палачу не отдадут тем паче...

Учитель безразличным тоном бросил, осматривая инструменты на столе:

–Тогда... выкради!

Королевский палач продолжал качать головой:

–У них нельзя. За своих детей могут далеко пойти... Не стоит... А может, у туркменов ребенка купить?

–У кочевников? Хорошая мысль! Только не старше семи лет бери...

–Хорошо, Учитель! – Эти слова королевский палач говорил, уже подвешивая очнувшегося караванбаши на крюк. В руках крупного египтянина низкорослый, грузный караванщик смотрелся как кожаный мешок с пришитыми к нему, безвольно болтающимися конечностями. Подвесив работаровца вниз головой, палач срезал с него одежды, раздев догола, затем взял бадью с водой, стоявшую до этого в углу, и облил висящего. Караванбаши очнулся, замычал, задергался... Из рта его потекла тонкая струйка крови... Палач спокойным и уверенным голосом сказал пытаемому:

–Будешь много дергаться – потеряешь кровь, умрешь. Будешь тихо себя вести – сохраню жизнь.

После этих слов Железный Копт взял в руки острый, сверкающий нож, которым стал делать круговые надрезы на икрах караванщика.

–Зачем? – с любопытством спросил Джаллад-Джаани.

–Я клятву давал. Должен провести полный допрос, чтобы потом на Книге мог поклясться, что долг исполнил...

Учитель согласно кивнул:

–Долг – это правильно! И клятвы нарушать нельзя. Ты уже знаешь, что будешь делать с ним дальше?

–То, что ты велишь, Учитель!

–Хорошо... После допроса... сюда наверняка прибудет к утру сам Магистр Тамплиеров, тот, кого зовут Сабельником... Его я сейчас достать не могу – охраняет он себя лучше, чем сам король иерусалимский... И тамплиеры у него все неподкупные... Так вот, скажешь Сабельнику, что этот человек поможет найти меня... но нужно ждать семь лет... потому что он от страха откусил себе язык... Скажешь, что, мол, знаешь, как ему язык заново отрастить, читал в трактатах, и всякое такое.

–А если он меня на Книге клясться заставит?

–Не заставит, если скажешь, что для возвращения языка тебе нужно использовать дьявольские заклинания, которые ты изучил в Египте. Скажешь, что семь лет, пока будешь язык этому возвращать, на службы христианские ходить не сможешь...

Железный Копт при этих словах нахмурился.

–Но... как же?.. Учитель!..

Муаллим задумался, помолчал, затем вдруг переменил решение.

–Ладно! Про службы ничего не говори. Но и на исповеди эти семь лет в самом деле не ходи. Не доверяю я священникам крестоносцев, францисканцам этим...

–А я не к ним, Учитель, я к тамплиерам!..

Учитель строго посмотрел на Железного Копта:

–Еще хуже! Если никак не можешь без исповеди – ходи к иерусалимским первохристианам. Эти – точно ничего не выдадут. До сих пор Сабельнику простить не могут, что отлучил их от Храма Господня... Знаешь, где найти их?

–Знаю, Учитель... В Страстных Пещерах они собираются... Близ Голгофы...

–Верно. Значит так, через семь лет признаешься, что дьявольские заклинания не получились, но уже на Книге поклянешься, что скажешь точно, где я нахожусь. И сдержишь клятву!

–И кто там будет, в этом месте, Учитель? Вы же не заставите меня стать предателем?!

Муаллим рассмеялся:

–Как кто? Ну конечно, я сам! – и, уже успокоившись, объяснил ошарашенному Железному Копту: – Семь лет меня видеть не будешь, потому что я в Иерусалиме не появлюсь. Через семь лет к тебе придет посланник от меня и скажет, где твой Хозяин сможет найти меня. Ты передашь это Де Сабри, и он сам придет ко мне... чтобы я убил его. Всё понял?

Железный Копт поклонился:

–Понял, Учитель!

–Вот и хорошо! А теперь давай, начинай свой допрос. А мы с мальчиком посмотрим, как твое мастерство за это время улучшилось.

* * *

...Кровь стекала по руке, стальные пальцы мальчика-убийцы сжимали птичье горло, но сильная птица не думала сдаваться, распахнув крылья и пытаясь достать когтями лицо своего мучителя. Орел был тяжелый! «Долго на одной руке не провисеть, нужно быстрее кончать его!» – подумал Сейд и сильнее сжал птичье горло. Орлиные когти разодрали детские щеки, порвали кожу на лбу, рассекли бровь... Удача Сейда хранила *айна-и-джан*, «зеркала души», глаза орлиного убийцы... глаза одиннадцатилетнего ребенка, убивающего Короля Гор в собственном гнезде. Черные глаза, разрезом напоминающие плоды оливы... Плоды, которые маленький Сейд-убийца никогда не пробовал... Глаза, которые уже заливают кровью из рассеченной кожи на лбу... Надо быстрее кончать это!..

Стальные пальцы сжались так, что под ними уже чувствовались шейные позвонки орла... Птица слабела, когти беспомощно царапали скалу, выдирали прутья из гнезда... Умиравший орел сам разрушал свой дом, в предсмертной агонии даже разбив все пять яиц. Большие, сильные крылья беспомощно взмахнули... и опустились... уже без жизни... Жизни не было и в глазах короля птиц, подернутых белесой, полупрозрачной пленкой... Мальчик разжал немеющие от невероятного напряжения пальцы... Тело птицы почти бесшумно повалилось назад... упало в пропасть по ту сторону гнезда...

Мальчик принялся спускаться обратно со скалы – орел убит, гнездо разорено... Приказ Учителя выполнен... Тело орла падало медленно... вскоре исчезло из поля зрения внизу... Мальчик перевел свое внимание на острые камни под руками... глаза застилала кровь... он устал...

Внезапно краем зрения увидел поднимающуюся из пропасти птицу. Неужели орел не умер?.. Нет! Орлица была значительно меньше своего короля, и горло ее украшало ожерелье белых перьев... Она летела прямо на убийцу и разорителя ее гнезда...

Времени продолжать осторожный спуск уже не оставалось. Сейд прыгнул, упал, разорвав колени об острые края скальных камней. Побежал... Он боялся... Страх вел его, под-

стегивал уколами горного сланца в пятки... вот уже бил – по голове, плечам, раздирали кожу на спине когтями разъяренной орлицы... Даже в голову не приходило повернуться и принять бой – настолько страшной была ярость орлицы, не клювом и когтями, но всем своим телом уже бьющей убийцу своего короля...

Сейд бежал, чувствуя, как когти орлицы продирают кровавые борозды на его спине, раздирая кожу, мясо и обнажая кость на лопатках... Клюв безумной птицы пробивал тыльные стороны кистей рук, которыми он пытался защитить голову, пробивал насквозь... Один раз он чуть не свалился в пропасть, с трудом удержавшись на узкой горной тропинке. Мгновенная задержка обернулась еще одним болезненным, режущим ударом когтей по уже изодранной в кровь спине... И он уже понимал, что эта птица убьет его. Убьет здесь, сейчас, на этой горной тропинке... отомстит за своего короля, убитого человеком, которому гордая птица ничего не сделала... лишь позволила поселиться в своих горах... за разоренное гнездо и невылупившихся из яиц орлят... а-а-а! В какой-то миг боль стала настолько невыносимой, что Сейду показалось, будто душа его отлетает от тела... Тело при этом само продолжало бежать, закрывая руками голову... И вдруг Сейд увидел... он понял, что эта орлица – его мать. Мама!.. А там, в гнезде – остался он сам, неродившийся птенец, и его братья и сестры... А это бегущее по тропе создание – это не он, нет... Это чудовище с кровавым крестом ран на спине... Крестonosец!.. И Сейду остро захотелось, чтобы мама убила эту тварь, бегущую по тропе, сбива его ничтожное тело в пропасть, чтобы там оно летело вниз, разбиваясь об острые края скал, чтобы плоть убийцы разорвалась на клочья и чтобы жизнь навсегда покинула тело того, кто лишил жизни его братьев и сестер... его отца!.. Сейчас так и случится!..

Появившийся из-за скалы Муаллим неспешно вытянул руку с взведенным арбалетом. Выстрелил. Болт пробил орлицу насквозь, но не отбросил назад. Умиравшая птица кинулась всем телом на бегущего от нее убийцу мужа... Тот, в свою очередь рухнул на бережно протянутые руки Муаллима. «Мама!..» – успел подумать Сейд и провалился в темное беспмятство, полное одной лишь невыносимой боли...

Он очнулся уже в Аламуте, в комнате самого Муаллима. Учитель внимательно смотрел на мальчика. Сейд лежал, весь перевязанный, в его постели. Еще долгие недели мальчик не сможет двигаться, восстанавливая свою плоть и душу после перенесенного испытания. И каждый вечер Муаллим будет приходить и молчать у его постели. Однажды Сейд не выдержит и расскажет ему всё. Про то, как был неродившимся орлом. Про мать-орлицу... И тогда Учитель скажет:

– Там, где я родился... до того, как стать *эхли-муслим*, наши предки верили, что в некоторых воинах живет душа беркута. В ком-то – душа волка... Может быть, в тебе, Сейд, поселилась душа убитого тобой орла?.. Суфии знают – Бог во всем. Значит, частица Его души есть и в орле. И ты забрал эту частицу себе... может быть...

Учитель помолчит, затем уставится взглядом в окно, где видны пролетающие перед закатным солнцем силуэты орлов – хозяев гор Аламута. Задумчиво поглядит бороду, в которой Сейд с удивлением заметит первые седые волосы. Раньше, до орлиного испытания, их не было! Учитель, кажется, изменился... А Муаллим, не отрывая взгляда от окна, бережно возьмет руку мальчика и вновь заговорит почему-то вдруг изменившимся голосом:

– Я долго наблюдал за нашими соседями... Орлы... они любят только один раз. И когда одна птица из пары погибает – вторая бросается на камни и убивает себя. Это называется – любовь. Она дает силу. Но эта сила ведет к смерти. Потому что на самом деле такая сила – только слабость. Но есть и другая любовь. Любовь к Аллаху, которая в воинах джихада выражается любовью к своим соратникам... друзьям... эта любовь должна давать силу... надеюсь на это... Я люблю тебя, сынок!..

* * *

Короткое рондо (во времени)

* * *

Испанцы теснили мавров. Одна кровь – разная вера. Арабская кровь, смешавшаяся с кровью древних иберов, родила нацию, которой боялись даже в Риме. Гордые до потери благоразумия, смелые до отчаяния, жестокие до бесчувствия – они стали католиками и принялись убивать свою кровь.

Испанцы теснили мавров. Эмир Гранады, всесильный хозяин дворца Альгамбры, проводил совет за советом, пытаясь понять, почему ни одна из европейских держав не заключает союз против растущей мощи испанского короля... даже за золото, которого пока что у эмира много. Поняв, решает – Папу надо убить. Но некому поручить это сложное дело. А в собственном доме – разлад. Жены ссорятся и устраивают заговоры. Старший сын и наследник убит в бою, средний в плену у испанцев принял христианство и отрекся от отца из-за любви к христианке! Что значит – кровь! Эмир сам был любвеобилен и плодовит, четырех жен и восемнадцать наложниц имел он, а во время хаджа семь раз совершал бракосыйгях и не сомневается, что дети-сейды от него родились и живут в племенах пустынных бедави, неся удачу своим оазисам... Оставался младший сын, да и того несколько лет назад отравила обезумевшая от ревности младшая жена, уже в пятый раз рождающая дочь... Жену казнил, да что толку? Не дарует больше Аллах эмиру новых сыновей. А дочерьми власть не укрепить, разве что замуж отдать... но вокруг одни христианские правители, в вопросах веры же эмир строг и менять ислам на крест своим детям не позволит, какие бы политические выгоды это ему ни сулило...

Испанцы теснили мавров – по всей Иберии, от Кордобы до Калабрии, скоро до Альгамбры самой доберутся рыцари... варвары! Не моются месяцами, запах пота маслами забивают, всю красоту от мавров и усвоили, да и та у них в варварском виде... Узоры упрощают, музыка – грех один, нет спокойного рассуждения, одна страсть да дикость... Музыку эмир любил. Потому, наверное, и проникся особым чувством к тому юноше, что был в плену у него год. Отважный, как лев, с душой нежной, как роса на цветке розы, прекрасный ликом... Как он играл на лютне, о Аллах! Он принял ислам и стал эмиру новым сыном. С болью в душе отпускал от себя, когда привезли выкуп, и не из-за золота, но в надежде, что король франков заключит с ним союз против Испании... Не случилось. Опять Папа помешал!

Испанцы теснят мавров. Конец Гранадского эмирата близок. Умрет красота, когда-то родившаяся в Иберии, как плод любви муслимов и иберийцев-христиан... И всё – из-за золота! Из-за золота нарушил испанский король мир с Альгамброй. Из-за золота разрушает мечети, сжигает города, грабит... Не было у него денег на начало войны – иудеи помогли. Эмир сказал им тогда – с нами покончат, за вас возьмутся, ибо золота алчущему всегда мало. Иудеи не послушались, дали на войну кредит, и в годы оные появился у испанцев Эль Сид... Вооружился на деньги иудейские, чтобы грабить мавров для своего короля, да в Рим долю отсылать... Столетия проходят, а война продолжается и по сей день. Реконкиста!

Испанцы теснят мавров. А эмиру нужен сын. Сын, который возьметесь убить Папу...

Глава V – ПУТИ ТАМПЛЯ

По дворцовому коридору шел человек. Обветренное лицо и жесткие, голубые со сталью глаза никак не вязались с роскошным, по последней венецианской моде, одеянием дворянина, гораздо более уместным на женоподобных придворных Его Величества Короля Сицилийского... Короля, непризнанного большинством вольных городов, таких как Капуя или Неаполь, но от этого, похоже, не испытывающего ни малейшего смущения. Во всяком случае, напыщенности и чванливости в этой папской марионетке, судя по слухам, да и по тому, как жил сицилийский двор, было предостаточно. И тамплиеру, коим и был идущий по дворцовому коридору человек, эта чванливость доставляла, пожалуй, даже больше раздражения, чем грязь и вонь, истинными королями царящие в этом дворце. Взывшие с Востока традиции чистоты, храмовники уже более столетия приучили себя к еженедельным омовениям, а чистота тела и облачений стали чуть ли не частью устава Ордена. Однако Первому Мечу Тампля предстояло выполнить довольно щепетильное поручение магистра Восточного Крыла Ордена, Де Сабри, и потому раздражение следовало упрятать поглубже и сделать всё, что необходимо, дабы заполучить корабли в порту Палермо.

Впрочем, одеваться со вкусом Первый Меч ордена монахов-воинов умел и любил. Обыкновение выглядеть изящно и даже с лоском, сохранилось у него со времен шутовства... Когда-то человек с жестким взглядом был главным весельчаком при дворе короля Франции. Ныне щегольская венецианская шляпа скрывала под собой тонзуру монаха, перчатки кожного шелка – мозолистые руки воина. Первый Меч Тампля вот уже вторую неделю добивался аудиенции у короля Сицилии, и сегодня Мастер Церемоний, ушлый веронец из скандально известного рода Капулетти, обещал наконец устроить долгожданную встречу с Его Величеством.

По пути человеку встречались так же по-щегольски, одетые мужчины и женщины... Он узнавал в них шпионов Венеции и Рима, а в дамах – самых известных и развратных проституток и содержательниц притонов Палермо. Выполняя несколько довольно щепетильных заданий по поручению Магистров Западного и Восточного Крыльев Ордена Тамплиеров, бывший шут, ныне монах, он перезнакомился со многими влиятельными людьми этого портового города, откуда Рим отправлял корабли на Восток. Поклявшись никогда не говорить лжи, он тем не менее умудрялся сохранять тайну о своей принадлежности к Ордену и даже к монашеству, не говоря ВСЕЙ правды. К тому же он давно обнаружил весьма полезную закономерность – люди хотят слышать лишь то, что они и так себе о человеке представляют. Люди не любят ошибаться, а еще больше не любят сами себе признаваться в ошибках. Составлять же нужное представление о себе бывший шут умел, как никто другой в этом городе дешевых актеров и балаганной политики. Состоятельные и влиятельные жители столицы Сицилийского Королевства считали его негоциантом, богатым купцом из Венеции, занимавшимся торговлей с Востоком. Женщины, во всяком случае, некоторые из них, считали его мужеложцем, о чем немало сожалели, вспоминая голубые со сталью глаза этого удивительного, на их взгляд, и полного тайны мужчины. Мужчины, в свою очередь, думали, что он является фаворитом какой-либо ОЧЕНЬ знатной дамы, а поскольку ревность сицилиек, как известно, опаснее гнева короля, то и отсутствие явных сердечных связей воспринималось с пониманием и сочувствием.

Женщины правили Сицилией, потому что женщины правили королем... священниками... мужчинами... И те из них, кто отказывался верить слухам о содомитских пристрастиях «негоцианта», стремились завоевать сердце «таинственного венецианца», отбить его у воображаемой неизвестной соперницы... Бывший шут использовал и это. И потому дела свои Первый Меч Тампля вершил вполне успешно, понимая, однако, что долго так продол-

жаться не может. Это было последнее поручение Ордена, которое он выполнял в Палермо. Ему предстояло заполучить две дюжины галер для перевозки молодых монахов-воинов в Палестину. Нужные корабли стояли в гавани Палермо, но принадлежали официально королевской казне, поскольку были конфискованы у их бывшего владельца, иудея из мятежного Неаполя, обвиненного в осквернении христианских святынь и убиении невинных христианских младенцев. Насчет богохульства и детоубийств бывший шут далеко не был уверен, а вот то, что негоциант сей имел дела с Орденом и за соответствующую оплату предоставлял свои корабли на нужды Тампля, по мнению Первого Меча, и сыграло решающую роль в том, что за несчастного взялась Священная Инквизиция. Иудея казнили на прошлой неделе, и обещанные им Ордену корабли перешли казне короля. Воины Ордена уже прибыли на остров Сицилия и квартировались в небольшой рыбацкой деревеньке, в полудне пути от Палермо. Там был удобный залив, откуда на кораблях их можно было забрать незаметно для соглядатаев Рима. Однако прежде нужно было эти корабли достать. Орден уже смирился с потерей денег, выплаченных казненному иудею. Дороже любого золота были воины, которых в Палестине не хватало. Воины – истинные христиане, прошедшие подготовку в монастырях Тампля и идущие в Палестину не за золотом, но во имя Веры... во имя Великой Тайны, которую Орден хранил более тринадцати столетий, меняя свои имена, но свято оберегая главное – Знание о Чуде... Первый Меч Тампля не был удостоен приобщения к Тайне, но уже знал, что Орден хранит нечто более важное для всего христианского мира, чем место, где находится Гроб Господень. И еще – тайну знает Рим. И подобраться к этой тайне мешает лишь одно – Орден. Пока Орден хранит ее – Рим в относительной безопасности. Но одно то, что Орден владеет ею, – уже опасность. Тайное противостояние Ордена и Рима скоро дойдет до пика своего напряжения. Негласный запрет на предоставление транспорта тамплиерам действовал в течение всех крестовых походов. Идти из Франции через Иберию и Апеннины на Восток по суше было невозможно. Уже в Малой Азии воинов-христиан ждали турки и арабы. Пути Тампля шли по воде. Корабли были нужны Тамплю, как золото – Риму. И за этими кораблями бывший шут короля Франции направлялся к королю Сицилии...

Ближе к тронному залу послышались звуки лютни и скрипок. Оркестр! Это новомодное в Италии явление широко распространилось во дворцах знати... Ну, конечно, первыми были венецианцы – во дворцах дождей игралась не церковная, но светская музыка, и королянки с князьями в прочих итальянских провинциях не желали отставать от *Ars Nova*, «Нового Искусства», родившегося во Франции, но уже завоевавшего сердца жителей прочих европейских государств. Играли рондель «*Tempus flendi et tempus ridendi, tempus plangendi et tempus saltandi*» («*Время плакать и время смеяться, Время сетовать и время плясать*»). Бывший шут, ныне монах-храмовник, мысленно хмыкнул – тема вроде бы из Экклезиаста, однако, судя по музыке, мысли сочинителя были далеки от воспевания чистой духовности Божественных Промыслов. Слишком много страсти в звуках гамба-виол, флейт и лютни, плетущих изысканное кружево вроде бы повторяющегося, но каждый раз по-новому звучащего мотива и ритма, так и зовущего ноги в пляс...

А в тронном зале и в самом деле плясали. Король и придворные держались за руки и кружились в *кароле*, сама же музыка сильно напоминала известное бывшему шуту произведение его хорошего знакомого по жизни в Париже, Гульема Машо, «*Remede de Fortune*»... «Эти итальянцы даже музыки своей сочинить не могут!» – с некоторым раздражением подумал Первый Меч Тампля, после Франции и Испании так и не сумевший испытать к жителям Апеннин приятные чувства. Уж слишком легковесными, лукавыми, а порой и откровенно трусливыми они ему казались. Интрига по-итальянски, после года жизни в Альгамбре, казалась примитивной, показное же бахвальство по сравнению с рыцарством франков и иберийцев и вовсе выглядело петушиным чванством.

Чинно поклонившись при входе в тронную залу, бывший шут приблизился к королевскому хороводу и был незамедлительно приглашен самим Его Величеством присоединиться к танцу:

–Любезный венецианец, дайте вашу руку и веселитесь с нами!..

Приняв руку короля (дела идут как нельзя лучше, подумал Первый Меч), бывший шут легко вписался в мерное движение *кароля*, танца, одинаково популярного что у крестьян, что у придворных в Европе. Впрочем, простолюдины танцуют более искренне и живо, здесь же большинство боится наступить другому на ногу и заполучить смертельного врага. Иной же намеренно подставляет ножку, дабы выставить недруга в смешном виде... Скучно! Однако надо и дело делать, пользуясь столь блистательной возможностью сразу заполучить благорасположение Его Величества Короля Сицилии и Апулии, известного капризным нравом и ветреностью настроений.

–Ваше Величество, – проникновенным голосом начал бывший шут, – вы столь же одарены талантами в *кароле*, познаниями в *Arg Nova*, сколь мудры в правлении...

–Еще одна лесть, и я поверю, что вы и вправду мужеловец, как утверждают некоторые дамы при дворе! – прервал текучую речь фальшивого венецианца король. – Но я интересуюсь лишь женщинами. Так что не тратьте на меня ваши чары. Впрочем, – Король приподнял бровь, предупреждая возможную торопливость со стороны гостя, – и не спешите излишне. Танцуете вы хорошо, и мне приятно видеть рядом человека, который наверняка не оттопчет мне ногу... разве что не сделает это намеренно?!

«Король не так глуп, как мне его описывали!» – с удивлением подумал Первый Меч Тампля. Следовало внимательнее приглядеться к этому странному монарху, не имевшему даже собственного войска, расточительному, как купец в день казни, и при этом пользовавшемуся безграничной поддержкой Рима. Следовало немного помолчать.

Кароль кружился, затягивая в свой неспешный водоворот всё новых входящих в зал гостей и придворных. Король упоенно кружил в танце, мягко, но уверенно, держа за руку бывшего шута, который всё искал пути, как бы возобновить с Его Величеством столь неудачно начатый разговор. Впрочем, никакого недовольства монарх не выражал, всё время улыбался фальшивому венецианцу и даже пару раз ласково кивнул, словно подбадривая сказать... но что?.. И вдруг снизошло озарение!.. Озарение пришло вместе с человечком далеко не благородного вида, явившегося в зал чуть позже и также влившегося в хоровод, но оказавшегося прямо напротив бывшего шута. В нарушение всех правил приличия он наклонился к уху короля и тихо прошептал:

–Ваше Величество, вас собираются сегодня убить!

Король, вопреки ожиданиям, даже не подал виду, что новость для него волнительна или хотя бы интересна. Он лишь прошептал, почти неслышно, так что пришлось читать по губам:

–Меня каждый день собираются убить...

Но бывший шут уже знал, что делать. Знание пришло по наитию, и действовать следовало незамедлительно. Уверенно освободив руку из мягкой хватки короля, Первый Меч Тампля двинулся через весь круг, пересекая его в направлении появившегося плюгавого человечка. Алонсо Кинжала он узнал по миндалевидным глазам и телосложению – этот калабриец когда-то бежал из Кротоне за убийство капитана городской стражи, и хлеб свой насущный зарабатывал ночным разбоем, да тем, что продавал услуги своего смертоносного кинжала более трусливым господам, желавшим лишить жизни своих врагов... чужими руками. Появление Алонсо в тронном зале короля Сицилии могло означать, что догадка бывшего шута верна... но прийти сюда наемный убийца мог и за жизнью кого-либо из царедворцев. Без покровительства Мастера Церемоний проникнуть сюда он не мог – это следует запомнить и использовать в дальнейшем, ну а пока...

Алонсо увидел идущего на него человека. Увидел и узнал того, кто чуть было не сломал ему руку на прошлой неделе, когда ночью, вместе со своим напарником, он пытался ограбить одинокого прохожего, идущего из церкви на постоялый двор, где останавливались зажиточные купцы. Напарнику повезло гораздо меньше – венецианец оказался скор и пронзил горло Жилистого своим странным, тонким мечом так быстро, что тот даже не успел охнуть. Алонсо же пришлось вывихнуть сустав, чтобы вырваться из железной хватки предполагаемой жертвы разбойного нападения, и сбежать в темноту... И сейчас этот кошмар с серо-стальными глазами двигался прямо на него... Епископ заплатил сотню золотых и обещал столько же еще, вручая кинжал с отравленным лезвием, если этот кинжал удачно поцарапает короля. Пятьдесят золотых ушли Мастеру Церемоний, еще тридцать – капитану стражи за то, что тот не станет чинить препятствий, когда Алонсо попытается бежать из дворца. Придворных же Алонсо и вовсе не опасался, с беспечностью истинного калабрийца считая всех, кто не родился в его собственной деревне, трусами, а придворных – слабаками, не способными удержать его... Но ЭТОТ!.. Увидеть «железного венецианца», как про себя он прозвал свою несостоявшуюся жертву, Алонсо тут явно не рассчитывал. Страх мелькнул в глазах разбойника, и вот он уже выхватил кинжал с ядом и бросился на «венецианца». Меча у того с собой не было, так что... Рука с кинжалом вдруг оказалась намертво схваченной. Внезапная боль охватила ее от запястья и до плечевого сустава, когда «венецианец» резким движением завернул руку со смертоносным клинком за спину нападавшего разбойника... И острая боль – когда сталь кинжала вошла под собственную же лопатку... острие дошло до сердца... для калабрийца всё кончилось...

Звуки музыки прервались, их сменили беспорядочные крики, вопли, вздохи, ахи, охи присутствовавших при этой сцене придворных... Стражников, к удивлению бывшего шута, пока не было заметно... «Значит, и капитан стражи подкуплен... Запомним и используем!» – быстро подумал шут и переключил свое внимание на короля, при этом осторожно опуская труп уже бездыханного убийцы на мраморный пол тронной залы. Король же выглядел при всем случившемся совершенно спокойным. Он поднял руку, призывая к молчанию, и оно наступило. В тишине, прерываемой лишь шумным дыханием замолчавших придворных, прозвучал спокойный, слегка усталый голос короля:

– Пусть тело уберут стражники. Остальных же приглашаю продолжить танец. Скоро я присоединюсь к вам. Пусть же звучит музыка! – Король Сицилии хлопнул в ладоши, и гамба-виолы с лютнями вновь заиграли рондель... «Время плакать... и время плясать!» Слова Экклезиаста поистине уместны всегда и повсюду, подумалось бывшему шуту, однако Король уже прошествовал быстрым шагом мимо, недвусмысленно кивнув фальшивому венецианцу, приглашая последовать за ним.

Его Величество прошел за трон и отодвинув в сторону гобелен, пригласил своего гостя войти в небольшое помещение, где все стены, казалось, были из шерстяных гобеленов. Усевшись за установленный в центре помещения стол, усталым жестом предложил «венецианцу» расположиться на скамье перед собой. Заговорил:

– Я уже месяц жду, когда ко мне придут убийцы...

– Но кому нужна смерть такого монарха, как вы, Ваше Величество? – Бывший шут все-таки был взволнован, как и всякий раз, когда ему приходилось лишать жизни кого бы то ни было. А потому нарушил приличие, перебив короля.

– Вы хотите сказать, кому нужна смерть такого удобного всем монарха? – с грустной улыбкой спросил король. – Епископу Сицилианскому, кому же еще...

– Но... Латеранскому Дворцу Ваше Величество на этом троне еще удобнее... я бы даже сказал – угоднее, чем кто-либо!.. – Бывший шут думал, что уже давно разобрался в немудреных хитросплетениях интриг неаполитанского двора и его взаимоотношениях с Римом,

и потому был в изрядном изумлении от услышанного. Однако король, казалось, не замечал дерзости гостя, пытавшегося спорить с Его Величеством, и даже решился на объяснение:

–Епископ – вовсе не значит сам Рим, любезный венецианец. Видите ли... – Король встал, медленно вытер ладонью лицо, после чего продолжил изменившимся, чуть охрипшим голосом: – Видите ли... у меня растёт дочь... У меня есть и сын, и дочь... Семи лет... Сын старше на два года... Конечно, как мужчина и монарх, я должен больше любить своего наследника, но как отец... и думается мне, как и всякий отец... словом, к дочери у меня особое отношение... Не перебивайте! Вы даже предположить не можете, какое всё это может иметь отношение к попытке моего убийства. Однако я пытаюсь объяснить, зачем... и как так вышло, что я стал неугоден епископу... Около месяца назад таможенники обнаружили в порту корабль со странным грузом... прекрасным... и ужасным грузом... Маленькие девочки, от семи и до двенадцати лет от роду... Восемьдесят невинных агнцев!.. Их везли из Александрии в Рим, где должны были продать в дома терпимости... Я узнал об этом от моих «ангелов»... Ну да, эти распутницы, окружающие меня в моем дворце, – мои осведомительницы, дающие мне самую правдивую правду о том, что происходит в подвластном мне городе! Капитан корабля проболтался об этом путане, у которой заночевал в день прибытия корабля в порт... Девушка рассказала обо всем своей матушке-покровительнице... ну а та всё изложила мне. Я сам ездил в порт смотреть на невинных девочек, чьи души были обречены на адский огонь после смерти, а тела – на адскую жизнь до нее. Владелец и капитан корабля не сильно волновался, поскольку был уверен, что его груз спокойно и без помех пройдет таможенный осмотр и последует дальше. И действительно, к таможенным чиновникам пришли люди от Епископа... его личный секретарь с письмом за подписью Самого Преосвященства... В письме требовалось незамедлительно пропустить корабль с грузом, поскольку, якобы, этих девочек-сирот везли для передачи в женские монастыри в Риме. Женские монастыри, ха! – Король невесело усмехнулся. – Только наши церковники умеют ТАК шутить...

–И что вы сделали, Ваше Величество? – осторожно спросил бывший шут, уже догадываясь, какой ответ он услышит.

–А что я должен был делать? Конечно, мне полагалось закрыть глаза и повелеть пропустить корабль... Закрывать глаза! Я пытался! Но каждый раз, когда я закрывал глаза, я видел лица этих девочек, заточенных в трюм корабля... И я видел лицо своей дочери среди них... – Король Сицилии закрыл глаза и тихо вздохнул. Затем так же тихо продолжил: – Я не смог... Не смог держать глаза закрытыми. По моему приказу корабль был тайно арестован, девочки так же тайно размещены по трем женским монастырям близ Палермо. За каждой девочкой я выдал по десять золотых из казны... денег у меня много!.. Монастыри с удовольствием приняли будущих невест Христовых. Но Епископ... он не мог простить мне такое...

–Ваше... Величество... не боится так откровенно говорить здесь? Нас могут слышать... Здесь даже нет стен! – Первый Меч Тампля показал рукой на гобелены вокруг.

–Мягкая ткань вернее удерживает голоса, нежели твердый камень, мой спаситель, разве вы, венецианцы, не знали об этом? Ведь это у вас принято тайные комнаты увешивать гобеленами. Так, во всяком случае, сказал мне зодчий из Венеции, в позапрошлом году обустроивший мне заново уже ветшавший замок сицилийских правителей. Вы ведь... не тот, за кого себя выдаете.

И тогда бывший шут короля Франции, заслуживший звание Первого Меча Тампля за бой, в котором он спас жизнь Магистру Западного Крыла Ордена, исполнитель самых тайных поручений магистра Восточного Крыла, славившийся среди тех немногих, кто знал его в Ордене хорошо, своим умом и осторожностью, решился сказать ВСЮ правду. Он говорил королю об Ордене и о том, кем он в нем является. Он рассказал о беде, случившейся с иудеем, и о том, что Ордену необходимы корабли... Король спокойно, но внимательно всё выслушал, затем заговорил сам:

–Приказ об аресте кораблей и казни негоциантствующего иудея... он, кажется, НА САМОМ ДЕЛЕ был из Неаполя?.. Так вот приказ был дан епископом. Подозреваю, что в Риме знают о многих ваших планах... видимо, кто то исправно доносит о них... Но это – уже другая тема для разговора, и меня не особо касается... Я хочу спросить... Вас... Орден... возьмет меня и мою семью под свое покровительство?.. – и король Сицилии, этот умный и скрытный человек, намеренно распространивший и, сделавший это вполне успешно, мнение о своей глупости, смотрел на Первого Меча Тампля, и в глазах его читались – страх... и надежда! И тогда бывший шут, фальшивый венецианец и истинный рыцарь Ордена Храмовников дал клятву. Он поклялся своей честью, что Орден возьмет под свое покровительство короля и всю его семью. Король серьезно выслушал всё, что говорил его гость, и, когда тот закончил, сказал лишь, резко кивнув:

–Да будет так! Надеюсь, Орден сможет защитить жизнь моих детей так же хорошо, как защищает свои тайны. Я верю вам.

Следующие три дня Первый Меч Тампля занимался тем, что очищал двор Сицилийского Короля от скверны, как и должно воину-храмовнику. Он вызвал на дуэль и убил Мастера Церемоний и капитана стражи. Вместо них на эти должности пришли двое тамплиеров, помощников Первого Меча в щепетильных делах Ордена в Палермо. Епископа посетили друзья убитого калабрийца... чтобы исповедаться, конечно же! После этой исповеди Его Преосвященство бесследно исчез, оставив собственноручно подписанное письмо, в котором говорил о необходимости своего паломничества в Иерусалим и о том, что отбывает вместе со своим личным секретарем. Паломничество должно было длиться не менее года. Вместо себя он оставляет верного своего человека, аббата монастыря при Церкви Архангела Михаила, который и будет исполнять его обязанности на время отсутствия самого епископа. Письмо было переслано в Рим, где отъезд епископа связали с пропажей ожидаемого корабля с «особым» грузом, решив, что епископ, человек смелый и решительный, решил сам разобраться «на месте» с ненадежными поставщиками «живого товара». Единственное, что несколько удивило друзей исчезнувшего епископа в Ватикане, – это выбор преемника. Упрямый аббат-михаилит подозревался в симпатиях к тамплиерам, однако, решив, что епископ, возможно, подкупил или каким-либо иным способом переманил влиятельного в Неаполе аббата на свою сторону, успокоились и на целый год забыли об этом.

Корабли с воинами-тамплиерами благополучно отбыли в Иерусалим, но Первый Меч Тампля еще на год задержался в Палермо, укрепляя в городе-королевстве тайную власть Ордена. Пути Тампля шли через море – в Иерусалим. Пути Тампля вели от Тайного Знания – к Власти...

* * *

Короткое рондо (вне времени)

* * *

Пройдет время, прежде чем одна монашка, поклявшаяся разделить судьбу своей святой, получившая благословение Папы и вышедшая в дорогу на Иерусалим, исполнит свою клятву. Но уже сейчас мужают рыцари, клянущиеся защищать христианские добродетели... и которым предстоит помочь ей исполнить ее клятву и разделить судьбу своей святой. Еще празднуют на островах британских племена вельшов языческий праздник Бельтайн, но уже усиливается в Европе власть Церкви, всё больше превращающейся в Правительство, правящее именем Бога, чьи заповеди растаптываются несущими Слово Его...

Пройдет время, прежде чем созреют гроздь гнева на ростках ненависти в жарких, обезвоженных душах жителей Востока, и железные птицы будут поливать огнем дома тех, кто в свою очередь будет поливать свинцом ряды чужаков, продолжающих войну, которая началась сейчас. Огнем и свинцом поливают Смерть. Потому что влаги, коей поливают Жизнь, в сердцах жителей Востока не осталось – вся вытекла в слезы. И уже сейчас близится час рождения того, кого назовут Властителем Барсом, и кто, отринув миролюбие Праведника Веры, огнем и мечом прогонит несущих крест, разрушит их крепости и станет родоначальником того, что впоследствии назовут исламским террором.

Пройдет время, прежде чем в далекой Праге сожгут на костре Учителя, коего паписты будут изображать в виде смешного гуся, но будет не до смеха, когда ученики его, причастившись от Чаши, начнут расшатывать ударами цепов власть Рима по всей Европе. Но уже сейчас кровь гуннов, болгар и славян, смешавшись у берегов Дуная и Вислы, рождает народы, которым суждено обновить Историю и заложить начало тому, что потомки назовут Реформацией, чтобы прийти к тому, что уже последующие поколения назовут Просвещением...

Пройдет время, прежде чем всё изменится, чтобы всё осталось по-прежнему. Но сколько бы времени не прошло – Тайное Знание всегда будет ключом к Власти... Даже если пройдет всё время мира...

Глава VI – УБИЙЦА ПРАВЕДНЫХ

Муаллим держал в руках письмо. Оно было старое. Юноша, стоявший перед ним, не помнил этого письма. Потому что никогда не видел. Про письмо мог бы вспомнить песок его родной пустыни, потому что он-то уж видел его однажды... Но пески не умеют читать. К тому же здесь, в горах Аламута, нет песков его родной пустыни. Здесь есть камни. И Учитель со старым пергаментом в руке.

–Это письмо я забрал у того караванщика, который продал тебя мне. – Учитель говорил ровно, медленно. Так он говорил всегда, когда требовалось, чтобы ученики накрепко запомнили его слова. Впрочем, он почти всегда только так и говорил. А иначе – просто молчал. Вот и сейчас замолчал... Вспоминает, наверное, тот давний, свой последний визит в Город Мира. Из того визита он привез Сейда. С того же раза больше никогда не посещал Иерусалим. Прошло уже четыре года. За это время Муаллим ни разу не вспоминал подробности того, как именно Сейд появился в Аламуте. Все ученики великого джаллада-джаани появились здесь, следуя путем своей кадер-судьбы, и говорить об этом было глупо. Недостойно.

Учитель вновь заговорил:

–В нем сказано о том, что король приглашает семерых имамов крупнейших джемаатов эхли-муслим собраться в Иерусалиме. В нем король Иерусалима предлагает дружбу и союз праведным имамам. Союз против Праведника Веры, Льва Пустыни, Айюбида, ведущего благой джихад против несущих крест. Иерусалимскому королю и его брату, королю франков, очень хочется завоевать богатства Каира. Всегда хотели... А этим трусливым властолюбцам, именующим себя праведниками, очень не нравилась и не нравится всё возрастающая сила Льва Пустыни, истинного Праведника Веры... ты ведь знаешь, кого так называют?

–Знаю, Муаллим. Я знаю, кого в пустыне называют Салах-ад-Дином.

Учитель усмехнулся беззвучно:

–Это хорошо, что не всё забыл. А может, ты и видел его? Может, и имя его помнишь?

–Не видел, Учитель, и имени не помню. Вы учили нас, что в истинной Истории имена не важны и если и называть кого-то, то только за деяния его...

–Верно! Гашишшин не имеет имени. И только тебя зовут – Сейд. Потому что ты – святой по рождению. Святой, которому предстоит стать воином нашего джихада... Ты знаешь, кто мы?

–Да, Учитель! Мы – джемаат суфиев-шиитов, воинов джихада, который будет длиться до тех пор, пока Истина и Справедливость не восторжествуют в этом мире. Мы – мстители.

–За кого мы мстим? За что мы мстим?

–Мы мстим за имама Гасана и имама Гусейна, убитых во время намаза подлыми трусами, нарушившими истинную и справедливую преемственность халифата. Мстим, следуя путем имама Исмаила. Мы мстим за всех мусульман, чьи жизни были прерваны по вине бездействия тех, кто именуется последователями сунны Пророка, мир Ему, но воистину за любовь к миру прячет лишь трусость свою. Мы мстим за наши сломанные судьбы. Мы мстим за хазрета Али, мир Ему, чьи заслуги не признаются в должной мере...

–Довольно, сынок! Ты действительно хорошо слушаешь и запоминаешь. Но – понимаешь ли то, что ты услышал и запомнил?

–Не знаю, Муаллим. Я не уверен, что правильно понял смысл того, что случилось со мной... когда я убил орла...

–А вот тот случай было бы хорошо и забыть. Я... наверное... ошибся...

–Вы, Учитель?

–Без ошибок лишь Аллах, говорил Пророк, мир Ему! Все ошибаются... И потому нельзя судить других, но когда мы видим, что чья-либо ошибка принесет вред мусульманам, всему исламу, мы обязаны вмешаться.

–Вы говорите об этом письме, Учитель?

–Верно. Четыре года назад имамы семи джемаатов получили такие письма. Четыре года они готовились к тому, чтобы принять это предложение. Четыре года спорили между собой, пытаясь поделить шкуру еще не убитого льва... Льва Пустыни! И, наконец, я узнал, что через два месяца они будут в Иерусалиме. Они придут туда, чтобы заключить союз с христианским королем – против короля мусульманского. Христиане такого никогда не допустили бы!..

–Христиане часто за золото соглашаются служить нам, говорили вы сами, Учитель!

Муаллим недовольно взглянул на Сейда, пробормотал:

–Ты растешь дерзким... очень дерзким... И, возможно, слишком умным... даже для святого по рождению!.. Но ты еще многого не понял. Христиане отличаются от нас так же, как наши религии отличаются друг от друга. Мы сильнее своей верой – простого христианина гораздо легче подкупить, чем обычного мусульманина. И чем беднее мусульманин, тем крепче его вера. Они же сильнее своим государственным устройством – как бы ни были они развращены и не погрязли в грехах против своих же правил и законов, свой флаг и христианскую общность блюдут сильнее, нежели мы.

–Но... почему так, Учитель?

–Потому что иначе они не выжили бы! Потому что их государство и стало их верой. Ты еще не видел раннехристиан... Они еще остались в Иерусалиме – те, кто следуют пути Исы, мир Ему, и не хотят быть близкими с крестоносцами... Их не любят прочие христиане – слишком они непослушны, не подчиняются правителям и устанавливаемым ими законам, превыше блюдя Закон своей Книги. Мы же... у нас никогда не было государств! Мы жили свободными племенами в пустынях и степях, верили языческим *путям*, пока не пришел Расуль-Аллах... Ислам стал нашим государством, а у них наоборот – государство забрало себе учение пророка Исы, мир Ему, и подчинило себе. Теперь понимаешь?

–Теперь понимаю. Те, семеро, которые идут в Иерусалим... они хотят подчинить ислам себе... Стать самим – государством, как христиане... А ислам сделать орудием управления?

–В тебе живет душа настоящего орла, мальчик! Ты остро видишь то, что скрыто в расщелинах скал чужих мыслей и стремлений. И настала пора тебе встать в ряды воинов нашего джихада. Ты получаешь свое первое задание. Ты отправишься в Иерусалим и убьешь всех этих имамов, именующих себя праведниками.

–Я еще...

–Знаю. Гашиш ты будешь курить сегодня. Сейчас. Со мной.

Кальян с гашишем Муаллим заправлял сам. В невероятной красоты вазу, изготовленную в далекой стране Чин, входила серебряная трубка с навершием, где и устанавливался баш в виде цветка розы. Что за смесь была приготовлена Учителем и скрывалась под красивым колпаком – не знал никто. Воины джихада – гашишники из тех, что уходили на задания, возвращаясь в Аламут, рассказывали, что гашиш Учителя сильно отличается от того, который можно найти в других местах. Учитель взял в руки небольшую лучину, которую зажег от ароматической курительницы на столе, и вставил в специальное отверстие... Поднес к губам серебряный мунштук на конце шелковой «кишки»... забулькал, прищурившись... выдохнул густой клуб голубоватого дыма... протянул Сейду:

–Втягивай в себя медленно. Совсем немного... чуть задержи дыхание... и выпусти... вот так... теперь вдохни чуть больше... сразу выпусти... а теперь подыши... и давай, вдыхай на полную грудь... И держи, сколько сможешь... молодец, не смущайся... все кашляют... Давай мне...

* * *

... – Мне давай! – Рослый стражник оттолкнул плечом своего товарища и требовательно протянул руку. Мзда в виде нескольких мелких монет опустилась в обтянутую кожей боевой рукавицы ладонь. Сейд прошел мимо стражников и оказался в Городе Мира. Конечно, он мог пройти в город, вовсе не связываясь с городской стражей, но Учитель велел поступить именно так. Войти в город через Восточные Врата, пройти на базар, зайти в духан, где подают гашиш, и слушать. Выяснить, где собираются семеро имамов, Сейд должен был сам. Выяснить, затем навестить Железного Копта. Передать послание от Учителя. Только после этого заняться убийством имамов и покинуть город. Вернуться в Аламут. Последовательность действий была предельно ясной, четкой для осознания, а потому возможной для исполнения. Учитель считал, что только так надо строить тактические планы. О стратегии и тактике ученики Орлиного Гнезда знали много – Муаллим учил их по трактату китайского полководца Сунь-Цзы «Искусство войны», сопровождая теорию многочисленными примерами из войн как прошлых, так и нынешних. Свой джихад он также вел по всем канонам, предписанным китайским мудрецом, четко разделяя стратегию и тактику. Стратегия была такова – все мусульмане единой силой должны были выступить против крестоносцев. Союзы с христианами, интриги против своих братьев по вере – всё это было недопустимо. Тактика же казалась совершенно противоположной этой стратегии. Она предписывала убийство тех, чьи желания не совпадали с целями священного джихада. И каждое убийство должно было еще более объединять мусульман, возбуждая в них ненависть к крестоносцам-завоевателям. Но для исполнения этих убийств дозволялись и временные союзы с врагом, и даже переход из одной религии в другую... если это необходимо, чтобы ближе подобраться к своей жертве!.. Иногда Сейд думал о том, что способы, которыми достигаются цели, порой могут опорочить самую священную цель... Но авторитет Муаллима всё еще был для него непреложен... непререкаем...

–Дай мне! – требовательно сказал щуплый человек и, не дожидаясь, пока ему протянут мундштук, сам выхватил его из рук своего товарища. Жадно втянул в себя дым, закашлялся, чихая грудь под распахнувшимся грязным халатом дрожала и тряслась. Сейд оплатил кальян с гашишем для этого базарного рассказчика, надеясь у него выяснить слухи и разговоры о собравшихся в Иерусалиме имамах. *Устад* был уже не молод, но и на старика не был похож. «Маленькая собака – всегда щенок», – вспомнил Сейд слова Учителя, в очередной раз убеждаясь в мудрости Муаллима. *Устад-рассказчик* был словно живым доказательством тому. Мелкий, щуплый, он был бы похож на подростка, если бы не его глаза. Даже дым гашиша не заставил этот взгляд черных, жестких, окруженных сеткой морщин на узком, скуластом лице глаз, смотреть менее проницательно. «Глаза злого старика», – отметил про себя Сейд, устраиваясь удобнее на набитых соломой матрасах, которыми был покрыт глиняный пол духана. Мальчик-гул принес две пиалы с шербетом, с поклоном взял деньги и отошел, прихрамывая. Духанщик в дальнем углу забивал кальян для очередного посетителя, бросая подозрительные взгляды в сторону пьяного христианина, курившего гашиш и при этом пьющего *ар'ак*, очень крепкий и хмельной напиток арабов, распространенный среди самых отъявленных пьянчуг.

Сейд подмечал всё, что происходило вокруг, стараясь не упустить ни одной детали из окружающей обстановки. Глупая ухмылка на лице христианина, грязное ругательство, брошенное посетителем вслед хромающему мальчику-гулу, приглушенный рык духанщика, обжегшегося углем, упавшим на его босую ногу с жаровни... Не сложнее, чем запомнить количество листков на кусте, сколько муравьев проползло по согретому солнцем камню, узор облаков над горным пиком Аламута во время учебных занятий, на которых птенцы

Орлиного Гнезда тренировали свою память и наблюдательность... Муаллим говорил: «Всё, что тебя окружает, может стать тебе врагом, но может быть и союзником. Главное – знать, ЧТО тебя окружает, и тогда ты сможешь это использовать!»

–Ты пытаешься меня использовать! – вдруг сказал уstad-рассказчик, выпустив клуб дыма. – Никто и никого не станет угощать гашишем просто так. Тебе от меня что-то нужно.

–Всем и ото всех что-то нужно! – ответил Сейд.

–И что нужно тебе от меня? – Уstad посмотрел на Сейда – как выстрелил арбалетными болтами своих черных глаз.

–А что может быть нужно от базарного рассказчика страннику, пришедшему в Иерусалим? Рассказ о новостях! Что происходит в городе, кто приехал, кто уехал... Всё, что интересно самому рассказчику, – достойно и моего слуха!

–Рассказчику интересны деньги. Рассказ стоит денег, тут ты одним гашишем со мной не считаешься. – Уstad выдохнул еще одно облако дыма и словно потерялся в созданном им же тумане. Уже из тумана выплыл голос: – У странника есть деньги для рассказчика?

–Всё зависит от рассказа. Гашиш – в подарок, и чтобы не было обидно за потраченное на беседу время, если рассказ окажется недостойным денег. Но если твои новости будут хороши – бахшиш причитается.

–Для такого молодого человека ты слишком хорошо торгуешься! Уж не купец ли ты? – Еще один острый взгляд вырвался из тумана и встретился с глазами Сейда. Сейд глаз не отводил – он вообще не умел этого делать. Спокойным голосом проговорил:

–Я сын мусульманина-купца из Триполи, отправленный отцом узнать кое-что для торговли... Но пока что я рассказываю, а денег за свой рассказ я с тебя уж верно не получу. Может, вспомним, кто из нас хочет деньги за свои рассказы, а кто готов их платить?

–Х-хе! Ты будешь хорошим купцом, юноша, и твой отец сможет гордиться тобой. – Уstad льстиво рассмеялся, и смех его рисовал в закопченном воздухе духана узоры клубами дурманящего дыма. – Ну, если ты купец, то я знаю хорошую новость, за которую не жалко будет заплатить деньги. Скоро караванные пути на Иерусалим будут совершенно безопасны и купцы смогут спокойно отправлять свои караваны, не тратя сумасшедших денег на мзду грабителям и на охрану наемникам.

–И почему это должно случиться? Крестonosцы вдруг покинут эти земли, а кланы бедави все разом и вмиг обретут святость и перестанут заниматься грабежом? – Сейд добавил в свой голос немного желчи – слишком много сладкого было в голосе у рассказчика... прямо как в шербете.

–У тебя острый язык, парень, но поверь старому рассказчику, торгующему слухами и историями, – я не пытаюсь дать торговому человеку надежду на чудо. – В голосе рассказчика появилась сухость. Ему явно не понравилось недоверие, проявленное молодым купцом.

–И правильно делаешь. Купцы не торгуют чудесами, этот базарный ряд занят святыми, имамами и монахами христиан. Нам нужно что-то посущественнее надежды. Нам нужно то, за что мы будем готовы платить. – Сейд звякнул монетками в кошельке. Глаза уstadа вновь вынырнули из тумана, оценивающе посмотрели на кошелек, удовлетворенно моргнули.

–Вам нужна уверенность. И за нее вы готовы платить всегда. У меня есть такой товар для тебя, сын купца из Триполи. Ведь если ты оттуда и если твой отец – из богатых мусульман, то ты должен знать, что именно купцы отправили имама вашего джемаата сюда, в Иерусалим, чтобы заключить договор с королем. Союз, который принесет всем мир, и спокойствие. Мусульманские и христианские караваны смогут спокойно ходить по своим торговым путям. Но тебя отправили для другого. Наверняка твой отец и другие купцы из Триполи хотят быть уверенными, что их имам говорит правду и что сюда придут и другие лидеры джемаатов. – Рассказчик испытующе взглянул на Сейда. «Удачно получилось... прав был

Муаллим – люди сами придумают для тебя продолжение твоей лжи, дай им только правдоподобное начало...» – радостно подумал Сейд и, кивнув устаду, осторожно проговорил:

–Никто не хочет, чтобы его называли предателем. Сторонники Праведника Веры не одобряют этот союз...

–И мусульмане в Триполи хотят быть уверенными, что предателями Льва Пустыни станут ВСЕ... чтобы потом никто никого не мог обвинить... Этот рассказ тебе будет дорого стоить, юноша! Придется растрясти кошелек, данный тебе отцом...

–Пока что я не услышал ничего такого, чего не знал бы сам, выходя в дорогу! – жестко прервал рассказчика Сейд. – Ты лишь показал, что знаешь, какой товар меня интересует. Но самого товара я еще в твоей лавке не увидел!..

–Не торопись, юноша! Сейчас я вытащу его из-за прилавка и разложу перед твоими глазами, как самый дорогой ковер, как россыпь драгоценностей, как яства на скатерти харчевни поприличнее, чем эта дыра. Ибо сказал бы поэт:

И шелк, и яхонт, и скакун прекрасный,
И девы, стройной станом, – их цена
Лишь половина от цены их красной.
Тем, как подашь, удвоится она.

Устад зажмурился, явно довольный своей поэтической импровизацией. Сейд потянулся к мундштуку кальяна, мягко, но уверенно взял его из рук рассказчика, вдохнул дурмана и, выдыхая мелкими кольцами дым, проговорил:

–На что другой поэт мог бы ответить:

Но если долго будешь ты хвалить
Товар – купца ты можешь упустить.
Он цену времени, как и товару, знает.
И потому в делах преуспевает.

Рассказчик удивленно уставился на Сейда. Рассмеялся неожиданно, да так, что смех перешел в кашель. Пришлось запить шербетом, и только после большого глотка прохладной жидкости из глиняной пиалы устад смог выговорить:

–Э, юноша, да ты мне нравишься всё больше и больше! Это мог бы быть дивный отрывок из касыды Насира Хосрова... Но у этого автора свода исмаилитской мудрости я таких стихов не помню... Значит, стихи все-таки твои! Если позволишь, я запомню эти строки и буду использовать в своих поучительных рассказах.

Сейд несколько заволновался, но ничем не выдал этого. Насир Хосров – поэт, почитаемый исмаилитами всего мира, его стихи часто читал Муаллим... Не выдал ли себя Ученик, использовав поэтическую форму поэта-исмаилита?.. Не время думать об этом! Сейд мельком взглянул на собеседника, благосклонно кивнул:

–Запоминай... А потом расскажи мне, наконец, то, что меня так интересует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.